

РАБОЧИЙ СУД

Издание Ленинградского Губернского Суда.

СОДЕРЖАНИЕ:



	Стр.		Стр.
Лицом к Советскому закону. — Народный Комиссар Юстиции <i>Д. Курский</i>	961	гическом Кабинете при Ленинградском Губернском Суда	1007
О допустимости судебного преследования против врачей. — Заместитель Председателя Ленинградского Губернского Суда <i>Г. Беляков</i>	965	Кассационная практика. О притворной сделке купли-продажи. — О праве фабрик и заводов искать и отвечать на Суда. — О праве продажи мебели в 1918 году	1011
Врачебные ошибки и незаконное врачевание. — Главный Судебно-Медицинский Эксперт Народного Комиссариата Здравоохранения <i>Я. Лейбович</i>	969	Хроника. К новой редакции Кодекса Законов о Труде. Разработка вопросов воздушного права. Контроль за лицами, высланными в порядке ст. 49 УК. Движение протестов векселей. У судебных исполнителей. Новый Исправительно-Трудовой Дом. Отпуска из Мест Заключения на полевые работы. Курсы для милиционеров. В Обществе Научной Медицинской Экспертизы. Случай налогового творчества. Доклады о революционной законности. Урегулирование производства дознаний по газетным заметкам	1013
Ответственность лиц медицинского персонала за прием больного (165 ст. Уголовного Кодекса). — Пом. Омского Губпрокурора <i>С. Рейзман</i>	973	Библиография. — Проф. <i>А. Гойхбарг</i> . „Очерки преобразования земельного и гражданского права в буржуазных государствах“. — <i>В. И. Игнатьев</i> . „Что такое Союз Советских Социалистических Республик?“ Беседы для рабочих и крестьян	1017
Борьба с растратами и примечание к 105 ст. УК. (По поводу статьи „Изменения ст. ст. 113 и 176 УК в № 15—16 „Рабочего Суда“). — <i>С. Тагер</i>	975	Налоги, пошлины и сборы. К вопросу о применении новых правил обложения целевым квартирным налогом. В каких случаях применяются льготы по промналогу для сельских кустарей и ремесленников?	1021
Ст. 206 УК и комсостав. — Инспектор-ревизор Верховного Суда СССР <i>М. Никитченко</i>	981	Налоговая памятка	1023
Понятие должностной растраты по Уголовному Кодексу РСФСР. — <i>Р. Б.</i>	983	Сроки жалоб по сельхозналогу	1024
К понятию должностного лица. — <i>К. Вяткин</i>	987		
Ст. 165-а Уголовного Кодекса. — <i>Я. Энтин</i>	991		
Взыскание по делам об алиментах из пособия по временной нетрудоспособности. — <i>Л. И. Асин</i>	993		
К вопросу о конфискации имущества по судебному приговору. — <i>Л. О. Г.</i>	997		
О делах, возбуждаемых по частной жалобе. — <i>Г. Робинсон</i>	1001		
Еще о ст. 11 УПК. — <i>Е. Дворжан</i>	1003		
Характерные особенности деревенских преступлений. Диспут в Криминало-			

№ 23 — 24.

Ленинград — 1925 год.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
КНИЖНОГО МАГАЗИНА
„РАБОЧИЙ СУД“.

ЛЕНИНГРАД, Проспект 25-го Октября, д. № 54.

Телефоны: 172-64 и 232-34.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ И ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ.

I. Общая теория права. Государственное, административное и международное право.

Вегер Вл. *Право и государство переходного времени.* (Хрестоматия) 2-е издание. М. 1924 г., ц. 1 р. 50 к.

Магеровский, Д. А. *Государственная власть и Государственный аппарат.* М. 1924 г., ц. 75 к.

Соленик А. *Советское строительство.* Конституция, экономика и политика СССР. 2-е изд. Лнгр. 1924 г., ц. 45 к.

Перетерский, И. С. *Очерки международного частного права РСФСР.* М. 1925 г., ц. 1 р. 20 к.

Макаров, А. Н. проф. *Основные начала международного частного права.* М. 1924 г., ц. 1 р. 50 к.

Коровин, Е. А. проф. *Международное право переходного времени.* М. 1924 г., ц. 1 р. 20 к.

Клименко, Е. Д., Попов, А. И., Яхонтова В. И. *Сборник распоряжений по административной деятельности.* Рязань 1924 г., ц. 1 р. 75 к.

Кобалевский В. проф. *Очерки советского права.* Центральным методкомом Наркомпроса вузов допущено в библиотеки в качестве учебного пособия. X. 1924 г., ц. 1 р. 25 к.

Драницын С. *Конституция СССР и РСФСР в ответах на вопросы.* Лнгр. 1924 г., ц. 85 к.

Стучка П. *Учение о государстве и конституции РСФСР.* Изд. 3-е, исправл. и дополненное. М. 1923 г., ц. 1 р. 50 к.

Гурвич, Г. С. проф. *Основы советской конституции.* Изд. 4-е, значительно дополненное и исправленное. М. 1924 г., ц. 75 к.

Ксенофонтов Ф. *Государство и право.* (Опыт изложения марксистского учения о существе государства и права). С предисловием Н. В. Крыленко. М. 1924 г., ц. 1 р. 10 к.

II. Судостроительство, прокуратура, нотариат.

Берман, Я. Л. *Очерки по истории судостроительства РСФСР.* С предисловием Н. В. Крыленко. М. 1924 г., ц. 55 к.

Еднерал, И. И. и Елоховский, А. Н. *Практическое руководство по общему судебному и нотариальному делопроизводствам, счетоводству и отчетности Народных Судов.* С предисловием и редакцией Ю. А. Тиличьева и главой о карточной системе делопроизводства Народных Судов П. А. Попова. М. 1925 г., ц. 2 р. 50 к.

Иодловский А. и Лаговьер Н. *Руководство для прокуратуры* (задачи и методы работы). Под редакцией

Ф. К. Трасковича и с предисловием Н. В. Крыленко. М. 1925 г., ц. 2 р. 50 к.

Крыленко, Н. В. *Судостроительство РСФСР.* Лекции по теории и истории судостроительства. М. 1923 г., ц. 2 р.

Трунев, П. Я. *Нотариат.* Сборник узаконений, циркуляров и разъяснений по вопросам нотариата. С приложением форм наиболее распространенных актов, договоров, сделок и форм делопроизводства. М. 1924 г., ц. 2 р.

III. Уголовное право, процесс и пенитенциарное право.

Волков, Г. И. *Уголовное право* (популярное руководство). Харьков 1925 г., ц. 1 р. 25 к.

Гернет, М. Н. и Трайнин, А. Н. проф. *Уголовный Кодекс.* Практический комментарий. Общая часть. Ст.ст. 1—56. М. 1925 г., ц. 1 р. 75 к.

Гернет, М. Н. проф. *Имущественные преступления.* (Текст и комментарии ст.ст. 180—199 УК). М. 1925 г., ц. 50 к.

Гродзинский, М. М. проф. *Преступления против личности.* Текст и комментарии к ст.ст. 142—165, 172—179 Уголовного Кодекса. М. 1924 г., ц. 80 к.

РАБОЧИЙ СУД.

Лицом к Советскому закону.

Наше Советское законодательство имеет одно неоспоримое преимущество, которое делает его фактором первостепенной важности во всем социалистическом строительстве нашего государства. Преимущество это перед всеми прежними законодательствами состоит в том, что Советское законодательство всегда стремится дать ответ по существу на те жизненные потребности, которые выдвигаются в каждый данный момент. В этом законодательстве, находящемся в постоянном процессе правотворчества, постоянно обновляемом, в тоже время всегда есть тот стержень, та основа, которые делают из него мощное организующее начало в жизни всего социалистического государства рабочих и крестьян. Этой особенностью нашего Советского законодательства объясняется постановление III Съезда Советов Союза ССР, которое требует от Советских органов, и в первую очередь, от органов НКЮ борьбы с нарушениями Советских законов, внедрения Советского закона в жизнь, ознакомления широких масс рабочих и крестьян с Советским законом.

Если прибавить к этому, что к восьмой годовщине Октябрьской революции, особенно за последние два года нашего мирного строительства, Советские органы путем подбора и подготовки работников юстиции, путем безжалостного удаления всех элементов, обнаруживших разложение или непригодность, добились значительного повышения общего уровня наших работников, улучшили и их материальное положение, то общая обста-

новка, складывающаяся благоприятно для работы органов юстиции, выявляется вполне. В работу наших органов по выполнению постановления III Съезда Советов необходимо, разумеется, внести план, стройность, наметить последовательный охват отдельных задач. Не даром Съезд Советов поручил ЦИК разработать и провести в жизнь ряд мероприятий организационного характера, обеспечивающих твердое проведение революционной законности. Органы юстиции РСФСР со своей стороны приступили уже к этой плановой работе. Ряд губернских очередных съездов работников юстиции занялись разработкой мер по проведению революционной законности, особенно в деревне. Только что собравшееся в Москве совещание работников прокуратуры обобщит и объединит эту работу для прокуратуры, которая тем самым внесет объединение, как орган общего надзора, и во всю работу по проведению законности. Но все-же это только первые шаги, это только первая наметка настоящего пути. Требуется еще большая подготовительная работа. Эта работа лежит прежде всего в области переработки некоторых наших Кодексов.

XII Всероссийский Съезд Советов утвердил новый текст Конституции, который не только приводит наш основной закон в соответствие с общесоюзной Конституцией, но определяет основную линию нашего текущего Советского строительства—вовлечение широчайших масс трудящихся в это строительство,

о чем мне пришлось уже говорить в статье в „Еженедельнике Советской Юстиции“. Теперь перед ближайшей сессией ВЦИК станет задача дать новый текст двух наших важнейших Кодексов — уголовного и гражданского (в части семейного права). Разработка нового текста Уголовного Кодекса и заполняет теперь вплотную НКЮ. Эта разработка имеет целью: во-первых, привести общую часть в соответствие с общесоюзным законодательством; во-вторых, внести в особенную часть в ряд разделов (напр., преступления против порядка управления, должностные и хозяйственные преступления) изменения, вытекающие из учета нашего судебного опыта и потребности текущего момента; в-третьих, упростить редакцию, чтобы сделать Кодекс наивозможно доступным для ознакомления широких масс. Само собой разумеется, что так же, как при разработке нового текста Конституции базой служил старый испытанный текст первой Советской Конституции, такой базой будет служить для нового текста Уголовный Кодекс 1922 года. Мы рассчитываем к 1-му июля закончить эту разработку и одновременно со внесением в Совет Народных Комиссаров разослать законопроект на места для ознакомления и отзыва. Надо иметь в виду, что, по установившейся практике, СНК, в свою очередь, разошлет проект на отзыв ряду Губисполкомов, и работники юстиции примут участие на местах в этом предварительном просмотре и составлении отзывов. Проработка общей части уже дала возможность внести большую выдержанность и систематичность в руководящие общие начала нашего уголовного законодательства, перед которым поставлена задача охраны социалистического государства рабочих и крестьян и установленного ими правопорядка от общественно-опасных действий, а рассмотренные разделы о преступлениях

контр-революционных и против порядка управления наметили общую линию снижения санкции, т. е. мер судебно-исправительного характера, так как не подлежит сомнению более твердая линия их применения. Кодекс семейного, брачного и опекунского права уже внесен в СНК и разослан на отзыв 10 Губисполкомам. В ближайшее время полученные отзывы будут рассмотрены в Комиссии СНК, прорабатывающей внесенный НКЮ Кодекс, и он получит дальнейшее направление. Как намечается в настоящее время, в октябре Кодексы будут рассмотрены Сессией ВЦИК.

Другой подготовительной работой является популяризация действующего Советского права. Наряду с рассылкой во все Волисполкомы Собрания Узаконений РСФСР, НКЮ предпринял ряд изданий, излагающих в доступной форме Советское право, напр., Справочник юриста. Нужно в ближайшие месяцы, и к осени во всяком случае, дать самый текст закона во все глухие углы нашей Республики. Отчеты Волисполкомов в СНК показали, что во многих Волисполкомах нет самого текста закона. Нужно насытить места юридической книгой.

Третьей подготовительной мерой является учет НКЮ того опыта выездов на места Суда и Прокуратуры, которые были совершены в истекшее время, и тех показательных процессов, которые уже имели место в деревнях. Как можно видеть, потребуется еще несколько месяцев законодательной и организационной работы, чтобы иметь возможность поставить во всем объеме перед работниками юстиции на шестом нашем Съезде задачу твердого проведения революционной законности во всеоружии опыта и нужных средств для ее проведения.

Д. Курский.

15-VI-25 г.

О допустимости судебного преследования против врачей.

В вечернем выпуске „Красной Газеты“ от 20 июня с. г. помещена заметка: „О судебных преследованиях врачей“, из которой видно, что Научное Акушерское Гинекологическое Общество ставило вопрос о судебной ответственности врачей на обсуждение и постановило обратиться в Наркомздрав с ходатайством о принятии мер против участвовавших случаев привлечения врачей к судебной ответственности.

Там-же указано, что Общество гинекологов полагает, что причиной этого явления, т. е. привлечения врачей к судебной ответственности является неосведомленность населения о пределах возможного в медицине. Далее Общество указывает на неправильное привлечение врачей по ст. 108 Уг. Кодекса за халатность, так как, по мнению гинекологов, эта статья предусматривает лишь халатность должностных лиц административно-хозяйственных органов. Общество предлагает установить такой порядок, при котором все дела, возбужденные против врачей, предварительно передавались-бы в Губздрав, и только если последний найдет в действиях врача состав преступления, лишь тогда дело может быть передано в Суд.

В заключение сообщается, что в настоящее время Общество гинекологов совместно с Пироговским Обществом избрало комиссию с участием „юристов-специалистов“ для окончательной выработки заявления в Наркомздрав.

Пока еще неизвестно, какова будет редакция заявления гинекологов и пироговцев в Наркомздрав, но и из приведенного выше видно, чего хотят оба ученых общества. Если точно все то, о чем сообщается в указанной выше заметке „Красной Газеты“, то и из этого уже видно стремление гинекологов к тому, чтобы закон, существующий для всех граждан Республики, не распространялся на врачей, так как, по мнению Общества гинекологов, даже справедливое решение Суда, в том числе и оправдательный приговор, „набрасывает на врача тень и лишает возможности спокойно работать“.

Таким образом оказывается, что Суды неправильно привлекают врачей за пре-

ступную халатность к ответственности, ибо, по мнению гинекологов, ст. 108 УК на врачей не распространяется. Оказывается, что ответ на вопрос о виновности врача нужно искать не в законе, а у Гинекологического Общества, которое обратилось в Наркомздрав с просьбой принять меры против участвовавших случаев привлечения врачей к судебной ответственности. Оказывается, товарищи судьи, что можно привлекать к судебной ответственности, в том числе и за халатность, любого инженера, техника, химика, любого ответственного работника-коммуниста и судью, но только не врача, ибо для врачей закон не писан. Борьба против незаконных абортов, оказывается, есть не более и не менее, как результат неправильного понимания Судом пределов возможного в медицине.

Оказывается, всего этого мы, судебные работники, не знали до сих пор, а вот гинекологи соберут своих „юристов-специалистов“, и тогда все будет ясно. Гинекологи и пироговцы требуют для себя административных гарантий. Пролетарский Суд для них не авторитет и не компетентное учреждение по применению закона, а всего-навсего неосведомленное в медицинских делах учреждение, против которого нужно принять меры.

Однако скажут мне: „мы не виним судебные органы, а лишь считаем, что судебные процессы против врачей являются результатом неправильного понимания медицины неосведомленным населением“.

Но, во-первых, вопрос о предании Суду совершившего преступление разрешается в конечном счете Судом. Судебные процессы возникают не в результате неосведомленности населения, а в результате расследования преступного деяния компетентными следственными органами и, в конечном счете, в результате определения судебного органа о предании привлеченного Суду; а, вторых, — только в тех случаях, когда Суд придет к убеждению, что в действиях того или иного привлеченного имеется состав уголовно-наказуемого деяния, предусмотренного законом.

Так обстоит дело по закону. Но Обществу гинекологов это неведомо. Им неведомо также и то, что при разрешении врачебных дел обязательно участвуют специалисты - эксперты. Всего этого, оказывается, недостаточно для врачей: нужна какая-то сверх-гарантия.

Ссылка Гинекологического Общества на неосведомленность населения в данном случае есть просто-напросто выражение замаскированного недоверия к судебным органам.

Однако нельзя не согласиться с Обществом гинекологов в том, что при привлечении врача к ответственности необходима сугубая осторожность, и Суду эта осторожность не чужда, чего не отрицают и сами гинекологи в своем обращении в Наркомздрав, говоря, что из 64 привлеченных врачей за 4½ года лишь незначительная часть была осуждена.

Но, видите-ли: и оправдательный приговор пролетарского Суда является пятном на благородном сюртуке учнейшего гинеколога. Как-же не шуметь по сему поводу!

Мы, невежественные в медицинских делах люди, полагаем, что за незаконное производство врачом аборта нужно привлечь такого врача к судебной ответственности по 146 ст. Уг. Код., за халатное отношение к своим обязанностям по 108 ст. Уг. Код., за отказ медицинской помощи больным, в опасных для больного случаях, по ст. 165 Уг. Код.

Оказывается, ничего подобного нельзя делать, ибо это будет нарушением врачебного покоя. Но тогда как-же быть Суду в тех случаях, когда установлено, что врач вместо того, чтобы оказать расшибленному на заводе и истекающему кровью рабочему помощь, отказал в этой помощи?

Как быть прокурору, когда к нему поступило заявление о том, что врачом произведен незаконный аборт со смертельным исходом, или когда в области живота врачом оставлен пинцет после операции?

Как поступить Суду, когда ему стало известно, что врач, не осмотрев тяжело больного, назначил ему операцию, тогда

как ему операция была не нужна, и в результате операции больной умер?

Как поступить, когда в больницах грязь и распушенность служебного персонала, а ответственный врач смотрит на это сквозь пальцы?

До сих пор мы полагали, что за все это виновных надлежит предавать Суду по соответствующим статьям Уголовного Кодекса РСФСР, и в будущем менять свою точку зрения не видим никаких оснований, ибо полагаем, что Советский врач является таким должностным лицом и гражданином, который за преступные действия, предусмотренные Советским законом, несет полную ответственность наравне со всеми—и учеными, и неучеными—гражданами, а по сравнению с неучеными гражданами с той только разницей, что наш закон к людям ученым предъявляет более серьезные требования.

К тому-же мы полагаем, что оставление врача безнаказанным чревато серьезными последствиями, ибо безнаказанность за преступления вызывает среди населения, а среди мало осведомленного тем более, недоверие к медицине и к власти, озлобленность, а иногда и—самсуды над врачами.

На основании этого считаем, что наши Суды для того и существуют, чтобы путем своевременного и решительного вмешательства защищать установленный законами Советской Власти правопорядок от его нарушителей и преступников. Стало быть, только Суды, а не кто другой, по нашим законам компетентны в вопросах применения закона против уголовных преступников. Медицинские работники должны быть также ответственны перед законом, а не прятаться за научность или неосведомленность населения.

Трудность установления врачебного преступления и виновности врача вовсе не исключает его ответственности. Преступление есть преступление, и поскольку оно по нашему закону наказуемо, постольку оно наказуемо и в отношении врачей. Не мешало бы Гинекологическому Обществу пошире открыть в свою среду доступ новому, Советскому духу и пониманию современных задач общест-

Г. Беляков.

Врачебные ошибки и незаконное врачевание.

Под врачебными ошибками (Kunstfehler) или, лучше, погрешностями следует понимать неправильные, небрежные, недобросовестные, неосторожные или невежественные действия и приемы в оказании медицинской помощи или уходе за больными, в результате коих явилось телесное повреждение, либо смерть больного, либо затяжка или ухудшение болезни, либо потеря благоприятного времени для правильного лечения.

Хотя Уголовным Кодексом подобные действия не предусмотрены особой статьей, соответствующие деяния квалифицируются в зависимости от характера проступка (как небрежное или халатное отношение к своим обязанностям, как преступление по службе и т. п.) или от тех или иных последствий.

Врач и, вообще, всякое медицинское лицо, как хранитель ценного блага — здоровья, пользуется огромным доверием, которое его обязывает к сугубой осторожности и добросовестности и порождает ответственность.

Между тем, случаи недобросовестного или невежественного лечения далеко не редки и приводят к многочисленным судебным процессам, отражаясь не только на здоровье или жизни потерпевшего или на судьбе медицинского работника, но, главным образом, подрывают доверие к медицинским работникам и медицине, чем создаются огромные затруднения в деле народного оздоровления.

В дореволюционном законодательстве врачебные ошибки были предусмотрены целым рядом статей, в действующем Уг. Кодексе имеются лишь ст. 163 (оставление без помощи) и ст. 165 (отказ в оказании медицинской помощи).

Во всех отраслях медицинской практики возможны упущения и погрешности. По Oesterlin'у их удобно подразделить на следующие группы:

1) *Отказ в оказании медицинской помощи и небрежное оставление тяжело больного без помощи.*

Пример первого рода: неявка по вызову. Само-собой разумеется, что отказ от оказания медицинской помощи может быть учтен лишь по отношению медицинского работника, занимающегося практической лечебной деятель-

ностью (§ 6 Постан. ВЦИК от 1 декабря 1924 г. о профес. работе и пр. мед. раб.), ибо от врача теоретика (физиолога, анатома и пр.) мало пользы у постели тяжело больного и нет никакого смысла от его вызова.

Пример второго рода: врача или акушерку позвали на роды. Несмотря на тяжелое состояние роженицы или неправильные роды, врач или акушерка оставляет роженицу (в виду затянувшихся родов); в результате — осложнение во время родов или смерть.

2) *Неправильное лечение из-за ошибочного диагноза.*

Раковая опухоль шейки матки принимается за „язву“, лечится прижиганием и спринцеванием и затягивается, чем вызывается потеря благоприятного момента для операции. Аневризма, принятая за гнойник, разрезается: в результате смерть от кровоизлияния.

Под такие ответственные действия следует подводить лишь те случаи, когда ошибка произошла от невнимательного отношения или от грубой невежественности, но не диагностические редкости и случайности, которыми так богата патологическая игра природы.

3) *Грубые ошибки в пользовании правильно распознанной болезни.*

Акушерская и хирургическая практика особенно богата такой казуистикой. Карболовая гангрена от неосторожного применения карболового компресса. Оставление в брюшной полости при чревосечении пинцета или марли. Отравление, вызванное сулемовой клизмой вместо борной путем замены бутылей жидкостями — пример небрежности. Прободевание матки, произведенное молодыми и малоопытными „специалистами“. Хотя прободение матки при выскабливании может случиться и у опытного и добросовестного гинеколога, но если при этом производится в матке дыра величиною в медный пятак и через нее вытягивается и отрезается два метра кишечника женщины, принимаемого по ошибке за „пуговину“ 4-х — 5-тимесячного зародыша (случай из практики), то такие манипуляции свидетельствуют о грубом невежестве и преступной небрежности и должны быть строго наказаны.

4) *Упущение необходимого вмешательства или приема.*

Потеря благоприятного момента для операции аппендицита. Запущенное поперечное положение. Смерть от кровотечения из неперевязанных сосудов. Несоблюдение правил асептики и антисептики. Смерть от наркоза.

5) *Распространение болезни по небрежности.*

Передача сифилиса или родильной лихорадки от одной роженицы другой.

6) *Бессовестное экспериментирование над больными.*

Сюда, конечно, не относится целесообразное испытание новых принципов и средств, в достаточной степени научно и технически обоснованных.

7) *Отравление медикаментами путем небрежной замены или слишком высокой дозы.*

Неправильная прописка или выдача лекарства.

8) *Выдача заведомо ложного свидетельства.*

Ложное установление болезни или сокрытие ее.

Установление врачебной ошибки производится при помощи экспертизы, причем положение эксперта—тяжелое и нескотливое. Приходится выяснять, сделало ли обвиняемое лицо ошибку, могло ли оно при внимательном отношении ее избежать, каковы последствия этой ошибки или нерадения, чем она объясняется, не лежит ли ответственность на самом потерпевшем (например, отказ от предложенной операции), имеется ли в данном случае погрешность против общепризнанных в медицине правил и приемов.

Если-бы медицина была наукой точной, как математика, тогда-бы легко было ответить на эти вопросы. Но принимая во внимание, что принципы и взгляды научной медицины меняются, „общепризнанное“ сегодня может через некоторое время быть всецело отвергнутым и наоборот.

За исключением более или менее твердо установленных максимальных доз, правил соблюдения асептики, некоторых приемов в хирургии и акушерстве,—что можно назвать в медицине твердым и непоколебимым?

Поэтому врачу предоставлен широ-

кий простор индивидуализации. В общем, медицинские работники, главным образом врачи, перегруженные трудной и ответственной работой, слишком часто и совершенно неосновательно привлекаются к судебной ответственности, как показывают оправдательные приговоры.

Неосторожное привлечение к судебной ответственности врачей и сенсационные „врачебные дела“ в общей прессе прежде всего мешают правильной постановке дела народного здравоохранения: они возбуждают недоверие к врачам, толкают широкие массы к знахарям и лишают врачей уверенности в себе и спокойствия, столь необходимых в их работе.

Муж подает жалобу на гинеколога в заражении его жены гонорреей „инструментами“ при выскабливании. Экспертиза устанавливает, что заразил ее сам муж, страдающий гонорреей.

Миттельмейер рекомендует судьям задавать эксперту следующие вопросы:

1) Существует-ли в данном случае вообще причинная связь между смертью или телесным повреждением и примененным методом лечения или действием?

2) Можно-ли предположить, что только примененный способ лечения был причиной печального исхода или же последний явился (или мог быть) результатом других причин?

3) Можно-ли утверждать, что при помощи другого лечения было-бы достигнуто выздоровление?

4) Допустимо-ли, что примененный способ лечения при благоприятных условиях также мог-бы повести к излечению?

Гораздо более важное отрицательное бытовое значение имеет у нас, по своему распространению, знахарство, т. е. профессиональное лечение лицами, не имеющими никакого медицинского образования, лечение заговорами, напечтыванием, „магнетизмом“, „травмами“ и пр. Не только потеря благоприятного момента для надлежащего лечения, но здесь имеют место самые невежественные и дикие приемы „лечения“, входящие все-таки своих клиентов.

Один 80-летний знахарь-абортист проделывал со своими клиентками-крестьянками такую процедуру: он ставил их головой вниз, а ноги привязывал

веревками, спускавшимися от потолка. В таком положении он вливал им во влагалище крепкий раствор сулемы. Много случаев смертельных отравлений и тяжелых заболеваний прошло для него безнаказанно.

„Знахарство“—огромное зло, вредно отражающееся главным образом на сельском населении и подлежащее преследованию. К сожалению, в действующем Уголовном Кодексе нет специальной статьи, предусматривающей профессиональное знахарство: знахари, бабки, старцы, „народные доктора“ и „китайские врачи“ безнаказанно продолжают свою вредную деятельность. Соответствующие случаи их преступных деяний квалифицируются, как „неосторожное

убийство“ или „неосторожное телесное повреждение“.

В настоящий момент, с утверждения инструкции Наркомюстом и Наркомздравом от 12 мая об ответственности за незаконное врачевание, наступает перелом в деле борьбы со знахарством.

Нужно надеяться, что сейчас—по необъятным равнинам Республики—заработает широкая метла, сумевшая вымести не одно наследие темного прошлого.

Вместе с тем, все развивающаяся медицинская помощь сельскому населению и широкая санитарно-просветительная пропаганда помогут довершить дело борьбы со знахарством.

Я. Лейбович.

Москва.

Ответственность лиц медицинского персонала за прием больного.

Врачебная этика, вообще, считает, что всякий больной, нуждающийся в медицинской помощи, всегда вправе ее получить.

Устанавливаются известные населению часы приема, в амбулатории имеется специальный штат раз'ездных врачей, да и частный врач обычно выезжает по вызову больного.

Уголовный Кодекс (165 ст.) устанавливает, что „отказ медицинского персонала в оказании медицинской помощи, если он заведомо мог иметь опасные для больного последствия, карается...“.

Вполне, конечно, понятно, что если, например, невыезд к больному на квартиру объяснялся усталостью лица медицинского состава, или непринятие больного было вызвано расхождением в сумме оплаты за визит, и все это имело опасные для больного последствия, то безусловно здесь признаки 165 ст. УК имеются.

Насколько нам известно, судебная практика знает случаи привлечения врачебного персонала к ответственности за халатное отношение к своей работе, но случаев привлечения по 165 ст. мы не знаем.

Нельзя не отметить, что врач тоже человек, он тоже утомляется и болеет, он тоже нуждается в отдыхе.

Поэтому он вправе предложить больному, пришедшему в неурочное время,

зайти в приемные часы, ибо он справедливо полагает, что раз больной явился самостоятельно на врачебный осмотр, то за несколько часов никаких опасных осложнений не случится.

Врач вправе отказать от немедленного выезда к больному, если, например, он установит из беседы с прибывшим за ним лицом, что положение больного не так серьезно и что, если он явится к нему немного позднее, никаких опасных осложнений у больного не будет, а у врача в порядке очереди, может быть, есть посещение не менее тяжелых больных.

Если при таких условиях наступит, допустим, смерть, то подлежит ли врач наказанию?

Мы хотели бы услышать по этому вопросу авторитетное мнение товарищей.

В то же время считаем нелишним поделиться и нашим опытом.

Согласно постановлению Губздрави и Профорганизаций, запись больных в городских амбулаториях заканчивается в 11 часов, прием осуществляется до 1 часу дня, но перегруженный работой медицинский персонал одной из городских амбулаторий обычно всегда находился на работе до 2-3 часов дня. Заведывающий амбулаторией врач И. никак не мог в течение продолжительного времени выбраться по служебным делам в Губздрави до конца занятий.

Однажды он, часа в 2 дня, обратился к бывшим в очереди больным с просьбой дождаться скорого приезда дежурного врача, который их примет. Те согласились. Перед самым уходом врача в амбулаторию является 60-ти-летний старик-рабочий и, жалуясь на боль в сердце, просит осмотреть его. Врач также и его просит дождаться дежурного врача. Тот согласился, садится на скамью и через 8-10 минут умирает.

Против врача П. было возбуждено уголовное преследование, и он был отстранен от должности заведывающего амбулаторией.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что рабочий скончался от паралича сердца напочве прижизненного заболевания сердца—миокардита и склероза, и что медпомощь, даже своевременно ока-

завная ему тотчас же после обращения его к врачу, смогла-бы только путем впрыскивания возбуждающего сердца средства задержать момент наступления смерти, но от смерти предохранить его все-таки не смогла-бы.

Пролетарский Суд внимательно изучил дело, и, не установив никаких уголовно-наказуемых деяний, вынес глубоко-принципиальное постановление по вопросу об ответственности за служебно-общественные действия врача, прекратив дело.

Мы считаем, что это—правильное решение конкретного вопроса, которое дает возможность установить предельные моменты применения наказания по 165-ой статье Уголовного Кодекса.

С. Рейзман.

Омск.

Борьба с растратами и примечание к 105 ст. У.К.

Авторитетный почин Ленинградского Губисполкома по вопросу о борьбе с растратами следует, конечно, только приветствовать.

Далеко не с той-же легкостью можно согласиться с выводами т. Л. И. в статье „Изменения ст.ст. 113 и 176 УК“ (журн. „Рабочий Суд“ № 15-16).

Прежде всего, нельзя делать окончательных выводов по практике одного Ленинграда и его губернии. Ленинград, как и Москва—экономически наиболее мощные пункты в Республике—имеют свои особенности: здесь все,—а в том числе и преступления—приобретает тотчас-же большие масштабы, которые не годится применять при измерениях, предпринимаемых в менее мощных частях страны. То, что по понятиям Москвы и Ленинграда является мелочью, не заслуживающей особого внимания, вырастает в большую величину в каком-нибудь уездном городе, а наипаче в деревне.

Мне, по роду своей работы, приходится тщательно знакомиться с протоколами совещаний по борьбе с преступностью по всему пространству РСФСР, и я могу определенно констатировать, что вопрос о борьбе с растратами окончательно выбыл из седла все наши судебные и подсобные для них органы.

Растраты приняли характер какой-то беспощадной эпидемии, для преодоления которой потребуются исключительной силы, героические меры. При этом приходится отметить, что крупных растрат, сравнительно,—ничтожное количество, а вся беда как-раз в тех мелких растратах, не превышающих 100 руб., для которых проект совершенно необоснованно предлагает чрезвычайно вредное, на мой взгляд, примечание к ст. 113 УК, изъясняющее мелкие растраты, совершенные трудящимися в первый раз по нужде, из области судебной в административную или дисциплинарную.

Я никак не могу согласиться с тем, что это примечание „выпукло оттеняет классовый подход к вопросу“. Наоборот, интересы рабочего класса в целом требуют в данный момент усиления репрессий даже по отношению к совершившим по нужде и в первый раз растрату отдельным представителям своего-же класса.

Когда в 1923 году велась беспощадная война со взяточничеством, раз'едавшим в то время все наши учреждения и предприятия, в особенности по транспорту, никому не пришло в голову рекомендовать применение административных или дисциплинарных мер, несмотря на то, что тогда в значительно боль-

шей степени, чем сейчас, именно нужда толкала трудящихся на взятку. Наши Суды отлично справились со своей задачей, и взяточничество, как массовое явление, становится все более и более историческим анахронизмом.

Кто может отрицать, что суровая и энергичная борьба, от которой иногда очень жестоко пострадали отдельные члены рабочего класса, привела к блестящим результатам, для класса в целом оздоровив транспорт и другие предприятия настолько, что у них уже стало возможно кое-что и присвоить?

Опасно также проводить аналогию между растратой и мелкими хищениями, за которые предполагается административная или дисциплинарная кара, так как эти хищения, чем дальше, тем больше идут на убыль, а растраты—на прибыль.

Спроектированное Ленинградским Губисполкомом примечание не может не иметь в высокой степени развращающего влияния. Уважение к государственной и общественной собственности у нас пока вовсе не до такой еще степени развито, чтобы мы, перед наличием грозной волны растрат, могли себе позволить роскошь прямо или даже косвенно заявить, что „мелкая сумма“ (до 100 руб.) не представляет для нас особо-существенного интереса. Не говоря уже о том, что для хилого месткома или для убогого еще по своим средствам деревенского кооператива эта „мелкая“ по ленинградским масштабам сумма является, подчас целым состоянием, нельзя умолчать и о том, что путем простого арифметического сложения этих мелочей мы доберемся до сотен тысяч, если не до миллионов рублей, имеющих огромное значение и для местного, и даже для государственного бюджета.

Практического-же значения это примечание все равно не приобретет, ибо „возложение обязанности возместить причиненный ущерб“ после обязательного увольнения от должности трудящегося, совершившего растрату по нужде, неизбежно остается декларативным волеизъявлением, которого никак не разменяешь на звонкую монету. Кроме того, при такой системе государство лишает себя возможности привлечь растратчика по 2 ч. 113 ст. в случае по-

вторной растраты. А это огромный минус, в большой мере анулирующий прекрасный п. „б“ из 2 ч. 113 ст. по предложенному в проекте тексту.

Вообще, 2-ую часть можно назвать образцовой. К сожалению, этого нельзя сказать о редакции 1-й части, страдающей и недоговоренностью, и половинчатостью. Если расшифровать текст проекта, трактующий о „присвоении или растрате должностным лицом, состоящим на государственной или общественной службе, по назначению или по выборам“, то он будет находиться не столько „в согласии с примечанием к 105 ст.“, сколько выразит этому примечанию достаточную дозу недоверия. Нечего греша таить, примечание к 105 ст., определяющее понятие должностного лица, настолько расплывчато, что порождает самую пеструю практику на местах, и попытка Ленинградского Губисполкома к его уточнению, по меньшей мере, своевременна, ибо его текст: „...в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач“—оставляет огромный простор для самых противоречивых толкований.

Если, к примеру, Центросоюз, Сельскосоюз, ВЦСПС и другие общественные организмы с ярко выраженными общегосударственными задачами, несомненно, подпадают под категорию „организаций и объединений“ в смысле примечания к 105 ст., то этого уже нельзя с той-же несомненностью сказать о каждом отдельном городском или деревенском кооперативе, о каждом фабзавкоме или месткоме, ибо было-бы слишком большой натяжкой заподозрить их в выполнении „общегосударственных задач“. А если сомнительно положение самой организации, то сразу совершенно неопределенным становится положение его служащего и не так-то легко ответить, имеем ли мы дело с должностным лицом в смысле примечания к 105 ст., которое при учинении растраты должно быть привлекаемо по 113 ст. УК, или же с частным лицом, которое следует привлечь к ответственности по 185 ст.

Но если не ясна сама основа, то страдает от этого не одна 113 ст. УК, а очень многие другие, и для исправле-

ния неясности следует прибегнуть не к уточнению 113 ст., а к изменению примечания к 105 ст. Оно должно точно определять, что речь в нем идет о лицах, „состоящих на государственной или общественной службе, по назначению или по выборам“, согласно совершенно ясной формулировке Ленинградского Губисполкома.

Прежде чем подойти вплотную к оценке результатов, неизбежно вытекающих из такого изменения примечания к 105 ст., необходимо вернуться к некоторым недочетам Ленинградского проекта в отношении 113 ст.

Что делать с лицом, не состоящим на службе ни по назначению, ни по выборам, а работающим на основании, допустим, комми-воажерского договора за известное процентное вознаграждение со сделанного оборота, что делать с язвой и злом всех наших государственных и общественных издательств и редакционных контор—с присвоителем подписной платы за книги и периодические издания, что делать с агентами и инкассаторами Госстраха, Соцстраха и т. д.? Формально они не служащие, не должностные лица, и в Москве, например, они за совершенную растрату привлекаются не по 113, а по 185 ст. УК.

Ленинградский проект на эти вопросы ответа не дает, а между тем как будто-бы совершенно ясно, что ответить на них неотложно необходимо и ответить в совершенно определенном духе. Из того, что человек не включен в штатные списки, что он не получает фиксированного по соответствующей разрядной сетке оклада, из того, одним словом, что у него только *другая форма* оплаты труда, конечно, не следует, что он не должностное лицо, но во избежание всяких недоразумений это следует формулировать в примечании к 105 ст. так четко, чтобы на этот счет не могло быть никаких кривотолков, никаких сомнений и колебаний.

При этих условиях 1 ч. ст. 113 могла бы остаться неизменной, а примечание к ст. 105 получило-бы следующую редакцию:

„Под должностными лицами понимаются лица, занимающие по назначению или по выборам постоянные или временные должности, или выполняющие трудовые поручения за комиссионные

или другие виды вознаграждения как в государственных (Советских) учреждениях и предприятиях, так и в общественных организациях и объединениях, имеющих по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других возложенных на них государством задач“.

При такой формулировке сомнения отпадают не только для 113 ст., но и для всех без исключения остальных должностных преступлений (ст.ст. 106, 107, 108, 109, 110, 115, 116, 117 и 118 УК), для многих хозяйственных преступлений (ст.ст. 127, 128, 128-а, 129, 130, 131, 133, 137 и 138 УК), для последних при условии, если везде наряду со словом „государственными“ будет включено слово „общественными“.

Это необходимо сделать из нескольких соображений.

Во-первых, такое изменение, логически вытекающее из уточнения примечания к 105 ст., вполне соответствует взятому партией и государством курсу на максимальную охрану интересов профсоюзов, кооперации, специального назначения организаций и организаций с налетом благотворительного характера (Авиохим, Общество друзей детей, Общество „долой преступность“ и др.).

Во-вторых, оно приблизит закон к судебной практике, имевшей место, например, в свое время в процессе работников Центросоюза.

В-третьих, устранил массу нелогичностей и непоследовательностей в самом законе. Почему, например, закон сугубо охраняет интересы „общественного учреждения, или его склады от мошенников (ст. 188 УК) или от воров (ст. 180 п.п. „г“, „д“, „е“ и „ж“ и ст. 180-а УК) и не охраняет их от арендаторов, расточивших их имущество (ст. 129), УК или от нарушителей договора (ст. 130 УК), или от злостных спекулянтов, срывающих цены на объявленных ими торгах (ст. 137 УК)?

Все это вопросы, властно требующие ответа.

Борьба с растратами становится, таким образом, исходным пунктом для точного установления занимаемого общественными организациями места в системе охраняемых государственной властью интересов, равно как и исход-

ным пунктом для искоренения разнobia в определениях понятия „должностного лица“.

При такой ясности положения не может быть никакой необходимости в ограничивающих общие нормы положениях в виде разобранного нами выше примечания к 113 ст. „Классовые интeресы“ достаточно охранены и без этого примечания, благодаря находящейся в руках Прокуратуры и Суда статье 4-а УПК. Само собою разумеется, что при той вакханалии растрат, какую мы на-

блюдаем сегодня, пользоваться ею следует лишь в исключительных случаях и с самой большой осторожностью, точно также как и статьей 158 УПК, регулирующей избрание меры пресечения.

Излишняя мягкость в настоящий момент не соответствует ни объективному положению дел, ни субъективным волеизъявлениям рабочих и крестьян, требующих усиления репрессий не только в Ленинградской губ., но и на всем остальном пространстве нашей необъятной Республики.

Москва.

С. Тагер.

Ст. 206 УК и комсостав.

Самовольное оставление военнослужащим своей части (побег) предусмотрено ст.ст. 205 п.п. „а“ и „б“, 205-а, 205-б и 205-в УК. Последняя включает побег в военное время или при боевой обстановке, а также и дезертирство лиц командного состава, побег которых наказуется в одинаковой степени, будь он совершен в боевой или мирной обстановке.

Если мы обратимся к ст. 206 УК, предусматривающей уклонение военнослужащего от несения военной службы путем симуляции болезни, самоповреждения, подлога или иного обмана, то увидим, что степень наказания по этой статье равна наказанию по статье 205-а, т. е. — второму побегу.

Вполне понятно, что уклонение от несения военной службы путем, указанным в ст. 206 УК, является не чем иным, как тем же дезертирством, проявленным в скрытой форме, что формально содержит два преступных деяния — побег и подлог. Следовательно, в соответствии с этими признаками, повышается и степень наказания.

Кроме этой формальной стороны, законодатель учел и тот важный факт, что самоповреждение, симуляция и подлог, с целью уклонения от воинской повинности, вырывает навсегда некоторую часть таких лиц из рядов армии.

Вот почему наказание по ст. 206 УК значительно выше, чем наказание за обыкновенный побег, совершенный в первый раз и предусмотренный ст. 205 УК.

Наказание лиц из комсостава, самовольно оставивших свою часть, т. е. дезертировавших, находится вне зависимости от таких условий, как обстановка (мирная или военная) или количество побегов, и минимальная степень наказания, при смягчающих обстоятельствах, не может быть ниже 3-х лет лишения свободы, а максимальная — расстрел.

Когда мы сравним ст. 205-в со ст. 206 в зависимости от приведенного сравнения ст. 205-а и ст. 205-б с той же 206 ст., то найдем, что в отношении комсостава, уклонившегося от военной службы путем, указанным в ст. 206 УК, степень наказания понижается, т. е. получим вывод, обратный тому, который мы сделали в отношении рядовых красноармейцев.

Безусловно, сущность преступления по ст. 206 УК, — безразлично, совершено ли оно рядовым красноармейцем или лицом командного состава, — не меняет своего содержания, и мера наказания, казалось бы, и для комсостава должна быть повышена в той же степени, как и для рядовых красноармейцев, совершивших второй побег, или, по меньшей мере, не ниже той, которая указана в ст. 205-в.

И, конечно, было бы в корне неправильно, если бы к лицу командного состава, уклонившемуся от несения военной службы одним из способов, указанных в ст. 206 УК, применить наказание только по этой статье.

Поскольку мы знаем, что уклонение от воинской повинности путем, предусмотренным в ст. 206 УК, есть не что иное, как то же дезертирство, но в скрытой форме, а также учитывая и злостность такого дезертирства, правильно было бы в таких случаях к виновному применить две статьи — 205-в и 206 и определить наказание по идеальной совокупности на основании ст. 29 УК.

Быть может, что юридически такое разрешение и неверно, но практически — это самый правильный и целесообразный выход.

В конечном итоге мы должны сказать, что в ст. 206 есть недоговоренность, и, конечно, желательно, чтобы эта статья была дополнена, или же статья 205-б соответствующим образом изменена.

М. Никитченко.

Понятие должностной растраты по Уголовному Кодексу РСФСР.*)

В условиях современной государственной деятельности, характеризующихся величайшим напряжением всех сил в целях укрепления экономической, политической и международной мощи СССР, должностные преступления занимают значительное место в общей системе преступных деяний. Нарушая планомерную и регулярную работу государственно-управленческого механизма, препятствуя утверждению законности в стране и подрывая авторитет власти в глазах широких трудовых масс, должностные преступления, тем самым, тормозят общее развитие и укрепление нового общественного строя.

Особый интерес среди должностных преступлений представляет в настоящий момент должностная растрата. За последнее время мы наблюдаем резкое повышение количества совершаемых растрат (так, по данным Ленинградского Угрозыска среди преступлений, разработанных Угрозыском за декабрь месяц 1924 г. и январь 1925 г., 60% представляют растраты), вызвавших энергичную кампанию судебных органов, направленную на борьбу с этим злом.

Несомненно, корни этого явления приходится искать в экономических условиях действительности. В годы военного коммунизма должностная растрата являлась довольно редким явлением. Жесткая, суровая и укладывающаяся в принудительные нормы жизнь этого периода не оставляла места для увлечения внешними материальными благами жизни. Растраты же, наблюдающиеся в настоящее время, безусловно являются прямым порождением нэпа, — нэпа с его соблазнами, захлестывающими морально и психически неустойчивые элементы, — нэпа, преобразившегося в сознании многих в утверждение формул — „все можно, все дозволено“. Карты, вино, желание широко пожить, использовать все представляющиеся возможности — вот те причины, которые, как показывает наша судебная практика, создают главным образом почву для растрат.

Конечно, трудно учесть, насколько повышены числа растрат, обнаруживаемых за последнее время, является отражением действительного ущемления их и насколько оно в известной степени представляет результат более внимательного отношения контролирующих органов к деятельности ответственных должностных лиц. Деятельность наших контролирующих органов, к сожалению, далеко не всегда стоит на должной высоте. Причины этого явления многообразны, и здесь не место

вдаваться в рассмотрение их. Каковы бы они ни были, все же не подлежит сомнению, что не одна из ранее совершенных растрат была бы своевременно предупреждена и своевременно раскрыта, если-бы контролирующие органы подходили к своим обязанностям более сознательно и деятельно. Однако под влиянием начатой кампании, деятельность контролирующих органов по выявлению совершаемых растрат принимает все более расширенный и интенсивный характер, и это несомненно могло отразиться на числе регистрируемых должностных растрат.

Во всяком случае, так или иначе, мы присутствуем сейчас при колоссальном росте должностных растрат, грозящем перейти в настоящую эпидемию. И это явление тем более значительно под углом зрения его социальной опасности, что оно охватывает и круги общественных работников, — работников союзов, выборных рабочих организаций (завкомов и т. д.), т. е. как-раз тех лиц, деятельность которых с точки зрения революционно-правовой этики должна быть безупречной и свободной от личных корыстных побуждений. Вполне естественно поэтому, что вопрос этот в настоящее время является одним из наиболее острых в судебной практике. Небезинтересным представляется, в виду этого, выяснение догматического понятия должностной растраты в том виде, как оно устанавливается Уголовным Кодексом РСФСР.

Прежде чем перейти к определению основных элементов должностной растраты, мы должны иметь в виду, что должностные преступления могут заключаться или — в неиспользовании власти, которую должностное лицо при данных обстоятельствах должно было проявить, или, наоборот, в превышении власти за установленные законом пределы. Должностная растрата по своей сущности является превышением власти в широком смысле слова, но выделенным в особое преступление.

Рассмотрим теперь ближе понятие должностной растраты.

Ст. 113 Уголовного Кодекса гласит:

„Присвоение или растрата должностным лицом денег, ценностей или иного имущества, находящихся в его ведении в силу его служебного положения, карается —

лишением свободы на срок не ниже одного года и увольнением от должности.

Те же действия, совершенные должностным лицом, облеченным особыми полномочиями, или присвоение особо важных государственных ценностей, караются —

наказаниями, предусмотренными 2-й частью

*) В порядке обсуждения.

статьи 106“ (т. е. лишением свободы на срок не ниже трех лет, а при отягчающих вину обстоятельствах—высшей мерой наказания).

Существенными моментами, ограничивающими понятие должностной растраты от обыкновенной, являются таким образом, с одной стороны—субъект преступления—должностное лицо, а с другой—объект преступления—имущество, находящееся в его ведении в силу его служебного положения.

Кого мы должны считать должностным лицом? Уголовный Кодекс дает следующее определение должностного лица (примеч. к ст. 105).

„Под должностными лицами разумеются лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-нибудь государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач“.

Должностными лицами являются, следовательно, не только лица, выполняющие известные возложенные на них обязанности в государственном (в узком смысле слова) учреждении, но и все лица, являющиеся должностными лицами в учреждениях, хоть и не государственных, но преследующих общегосударственные задачи, т. е. иными словами—в общественных учреждениях (напр., профсоюзы, культурно-просветительные учреждения, кооперативные объединения).

Лицо, не состоящее на службе ни в государственном, ни в общественном учреждении, не может быть, следовательно, субъектом должностной растраты. Но поскольку субъект преступления—должностное лицо, совершенно безразлично, какую оно занимает должность: высшую или низшую, по выборам или по назначению, временную или постоянную. Каждое должностное лицо ответственно в сфере своей деятельности, независимо от размеров ее.

Объектом должностной растраты являются всякие ценности, находящиеся в ведении должностного лица в силу его служебного положения. Сюда относятся, наряду с деньгами, и все остальные материальные ценности, независимо от характера и назначения их. Так, например, возможна растрата кассиром банка драгоценностей, оставленных клиентами банка под залог ссуды. Необходимо только, чтобы эти ценности находились в ведении должностного лица в силу особых полномочий, вытекающих из его должности. Поэтому растрата денег, вверенных должностному лицу частным лицом, не подходит под понятие должностной растраты, точно также как не подходит под понятие должностной растраты обращение в свою собственность должностным лицом ценностей, принадлежащих учреждению, в котором он занимает должность, но не вверен-

ных ему в силу особого служебного положения его в учреждении. В последнем случае мы будем иметь просто состав кражи (ст. 180 Угол. Кодекса, пункты „д“ и „е“).

Действие растраты заключается в том, что виновный присваивает себе вверенное ему имущество (в данном случае—имущество учреждения), т. е. обращает в свою собственность и растрчивает его самовольно в своих интересах, не имея на то полномочий от собственника имущества. При этом безразлично, для каких потребностей израсходовал субъект преступления имущество, в течение какого времени, под влиянием каких мотивов (мотивы могут влиять только на определение меры наказания). Решающим является то обстоятельство, что к моменту, когда должностное лицо обязано вернуть ценности учреждению, вверившему ему их, оно этих ценностей не имеет и не имеет именно потому, что израсходовало их для себя. При взаимоотношениях, создающихся между учреждением и должностным лицом, этот момент возврата ценностей обычно не определяется точно установленным сроком, как в договорных отношениях между частными лицами, а может наступить когда угодно, напр., при внезапной ревизии. Наоборот, состава растраты не будет налицо, если должностное лицо временно пользуется ценностями и затем возвращает их неизрасходованными, так что к моменту требования уполномоченного они имеются в целости. Нет растраты и тогда, когда должностное лицо расходует вверенные ему деньги или иные ценности для нужд учреждения, потому что здесь отсутствует момент обращения их на свои нужды. И в том, и в другом случае мы имеем не растрату, а превышение власти в узком смысле слова, т. е. совершение действий, выходящих за пределы полномочий должностного лица.

Со стороны виновности растрата может быть только умышленным деянием. Виновный должен знать, что данное имущество чужое и вверено ему, и, тем не менее, желать израсходования его для себя. Неосторожной растраты не может быть.

Большой интерес представляет вопрос о соучастии частных лиц в должностной растрате. Вопрос о соучастии частных лиц в должностном преступлении принадлежит к числу наиболее дебатированных в литературе как западно-европейской, так и нашей. Спорным является и возможность применения самых начал о соучастии к данным случаям (некоторые писатели полагают, что нормы, запрещающие совершение должностных преступлений, относятся только к должностным лицам, и что поэтому действия частных лиц, способствовавших совершению этого деяния, могут быть только объектом самостоятельных составов преступления, если об этом имеется соответствующее

щее постановление законодателя), и решение вопроса об ответственности соучастников—частных лиц в должностных преступлениях: отвечают ли последние за данное преступление на тех-же основаниях, как и сам исполнитель (должностное лицо), или же, как за преступление общее.

В нашей современной литературе мы находим по этому вопросу мнение проф. Жижиленко („Должностные преступления“, изд. II, стр. 14), который, решая вопрос о соучастии частных лиц в должностных преступлениях в зависимости от отношения должностного преступления к общим, устанавливает, что частное лицо, являясь соучастником должностной растраты, отвечает лишь за общее преступление, т. е. за обыкновенную растрату. Иначе высказываются по этому поводу Попов („Еженед. Советск. Юстиц.“ за 1924 г. № 31) и Волков („Вестник Советск. Юстиц.“ за 1923 г. № 4), признающие, что частные лица, способствующие совершенно должностной растрате,

наказываются за таковую на тех-же основаниях, как и должностное лицо.

Наказания, налагаемые за должностную растрату, свидетельствуют, что законодатель относит это преступление к числу должностных преступлений, имеющих особо тяжелые последствия (часть I ст. 113 соответствует части второй ст. 105, устанавливающей санкцию за должностные преступления с особо тяжелыми последствиями), а иногда даже и к тягчайшим должностным преступлениям, ибо при известных условиях он карает за должностную растрату даже высшей мерой наказания. Основанием для столь сурового отношения законодателя являются следующие моменты: 1) должностная растрата направлена против интересов государства и 2) у совершившего ее преумируются корыстные побуждения, а как мы знаем из ст. 25 Уголовного Кодекса, и тот, и другой моменты являются обстоятельствами, усиливающими наказуемость деяния.

Р. Б.

К понятию должностного лица *).

Количество уголовных дел, предусмотренных главой второй (должностных преступлений) в судебно-следственных органах достаточно велико и, пожалуй, имеет тенденцию расти, в особенности по такой модной сейчас статье, как растрата.

Между тем точного и ясного определения понятия должностного лица среди практических работников нет, оно, если можно так выразиться, носится в воздухе, но на словах не выражается, и, вероятно, каждому не раз приходилось, имея должностное дело, тратить массу времени, обдумывая, советуясь с другими для установления того, есть-ли в данном конкретном деле признаки должностного преступления, о чем нередко дела доходили до Суда и затем прекращались.

Говоря это, я имею в виду вторую часть примечания к ст. 105 УК, определяющую понятие „иных“, не государственных (последнее, конечно, достаточно ясно) организаций и объединений, служащие кои могут быть привлечены по должностным преступлениям.

В практической работе обычно определяют подобные организации словом „общественные“, однако подобная замена, не говоря уже о том, что в законе такого определения „организаций“ нет, за отсутствием точного обозначения самого понятия общественной организации, ясности не внесит.

Подобное положение особенно затрудняет тогда,

когда действия служащего, явившиеся поводом к возбуждению дела, не затрагивают интересов посторонних лиц и учреждений, а касаются, так сказать, внутреннего распорядка, напр., член Правления не отчитался в какой-либо сумме (ст. 185 и ст. 113 УК), или вел дела объединения недостаточно четко (есть-ли ст. 108 УК?), или занимался подрядом, поставкой для собственной организации (есть-ли ст. 114 УК?).

У пишущего это в производстве находилось дело, по коему одна артель, занимающаяся поставками и подрядами, обвиняла одного из членов своих, называвшегося Членом Правления (а, ведь, артель состояла всего из 7 человек), в превышении власти, основываясь на том, что он производил расходы на извозчиков, не испрошив предварительного разрешения на такой расход, и данное дело было принято по должностным статьям, т. е. артель носила наименование Артели Инвалидов, хотя, как уже сказано выше, она занималась исключительно коммерческими операциями, и для большего удобства в этой работе, так сказать, с целью иметь средства производства, артель прежде всего завела легковой автомобиль, на котором все 7 членов артели ездили по делам.

В данный момент собирается начать деятельность объединение „Розничник“, имеющее задачей объединить розничных торговцев, и если в дальнейшем один из членов выборного Правления такого общества, тоже, конечно, торговец-розничник, пользуясь своим положением какого-нибудь заведы-

*) В порядке обсуждения.

вающего распределением, будет неравномерно распределять товар, который это объединение получит из треста, и, само собой разумеется, направит лишнее в свой или своих знакомых магазины, отчего несколько торговцев получают меньше выгоды, чем могли-бы получить, то хотя и будут на-лицо действия, совершенные в силу служебного положения в корыстных целях, нарушающие интересы отдельных граждан, но все-же будет достаточно, если сочлены этого объединения обратятся в гражданский Суд и взыщут с совершившего убытки, по крайней мере, заплатив судебные пошлины.

Разбирая примечание к ст. 105 УК, найдем в нем, что должностными лицами признаются не только служащие в государственных учреждениях и предприятиях, но „также и в организации или объединениях, имеющих по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач“; и самым коротким определением для последних организаций явится то, что это будут организации, кои выполняют или содействуют выполнению государственных задач.

Но для нас всякая деятельность может быть направлена лишь в интересах государства, коллектива, самый переход к НЭПУ был вызван не чем иным, как необходимостью дать возможность проявить частную инициативу, в целях развития производительных сил страны, и, конечно, тем более деятельность какой-либо организации, объединения может быть допущена, если она содействует развитию государства, выгоде рабочего класса. Да надо иметь еще в виду, что все на свете старается приспособиться, принять защитную окраску; потому в каждом уставе общества, в каждом положении об организации старательно подчеркивается возможный интерес для государства или объединения трудящихся, хотя-бы он по существу был и очень незначителен.

Основываясь на этом, ряд товарищей готов признать любое частное объединение, если только об учреждении подобных объединений есть соответствующее законодательное постановление, таким, служащие которого могут по смыслу примечания к ст. 105 УК быть признаны должностными лицами. Тогда и создаются те, казалось-бы, противоречия между текстом закона и существом дела, примеры коего приведены в начале нашей статьи, и хотя примененные основных статей Кодекса и революционного правосознания, в конце концов, дают основания для правильного решения вопроса, но все-же это достигается не сразу, вызывает лишнюю затрату сил и времени и уже, во всяком случае, не экономно.

В чем заключается основной мотив для выделения особо преступлений, называемых должност-

ными? Почти любое действие, подводимое для должностных лиц под признаки должностного преступления, для частного лица может быть подведено под одну из статей остальных частей Кодекса, или уже по крайней мере пострадавший интерес от такого действия вполне защищается гражданским Судом; понятнее-же должностного преступления и главная тяжесть в нем лежит в том исключительном положении, которое занимал преступник в момент преступления.

Сущность этого положения заключается в том *уполномочии*, в том доверии, которое государство должно было оказать ему, т. е. оно, как коллектив, само действовать не может и вынуждено поручить свое представительство физическому лицу. Но по своей природе государство не только не может само действовать, оно также не может осуществить тот контроль, который легко может установить обыкновенный доверитель к своему доверенному, и силою вещей государство принуждено на известный период деятельности своего уполномоченного положить на него, доверять, а поэтому оно особенно строго облагает всякую недобросовестность со стороны своего служащего и недобросовестность его выделяет в особую группу преступлений, которые строже и карает.

Но в чем выражается деятельность государства? Государство есть аппарат принуждения, действующий в интересах господствующего класса, и раз так, то деятельность его может заключаться в регулировании, направлении развития общественных сил; само-же развитие этих сил может быть лишь делом самих масс, их самостоятельности.

Поэтому государство, предоставляя гражданам проявить свою инициативу, самостоятельность в частных интересах этих лиц и их объединениях, само через свой аппарат регулирует, направляет их деятельность в интересах всего рабочего класса в целом.

Однако по тем-же соображениям большей самостоятельности масс, по тому же принципу устройства своей жизни самими трудящимися, некоторым объединениям государство дает *полномочия* выполнять свои *задачи* по регулированию, исправлению деятельности тех единиц, которые образуют объединения. Передоверяя часть своей власти подобным организациям, объединениям и *уполномочивая* их выполнять свои *задачи*, государство не только допускает такую деятельность, но и *обязывает* ее выполнять, обычно связывая существование такого объединения с выполнением порученного ему; и, конечно, дабы это объединение могло исполнять возложенное на него, государство предоставляет ему некоторые *права* по отношению к входящим в него единицам.

Вот служащие таких-то объединений, уполномоченных государством выполнять некоторые

функции его в пределах их деятельности, выражающейся в регулировании, направлении входящих в это объединение единиц, также являются должностными лицами.

Если согласиться с высказанными положениями, то редакция примечания к ст. 105 УК представится немного в иной форме, а именно:.... „также служащие тех организаций и объединений, кои помимо выполнения тех-же задач, что и входящие в них единицы, по закону об их учреждении уполномочены на осуществление общегосударственных задач по регулированию, направлению хозяйственной, административной, просветительной деятельности образующих эти объединения единиц“.

Подтверждение такого взгляда можно найти в декрете о создании инвалидных объединений; там в нормальном уставе об организации артелей инвалидов в § 1 указывается, что в целях лучшего использования труда инвалидов образуются на товарищеских началах артели инвалидов, а в пункте 11, что членом артели инвалидов может быть каждый инвалид. Иное положение выдвигает нормальный устав Губернского Объединения артелей инвалидов, где § 1 гласит, что при Губернском

Отд. Соц. Обеспечения организуется губернское объединение артелей инвалидов, куда входят все инвалидные артели, дальше-же говорится, что эти губернские объединения, помимо выполнения задач по использованию труда инвалидов и организации снабжения, производят ревизии, инспектирование своих членов. Конечно, как та, так и другая организации действуют на основах полной самостоятельности.

Такие-же положения, разве немного менее резко выраженные, содержат также декреты о сельскохозяйственной и потребительской кооперации.

И, наконец, новая редакция ст. 266 ГПК, говорящая об очередности удовлетворения взысканий в случае недостаточности средств у должника, устанавливает, что во вторую очередь удовлетворяются претензии государственных учреждений и предприятий и кооперативных организаций (центральных, областных, губернских, городских, уездных и районных), как-раз приравнивая к государственным учреждениям и предприятиям именно такие организации, которые по изложенным выше положениям и надлежит считать предусмотренными примечанием к ст. 105 УК.

К. Вяткин.

Ст. 165-а Уголовного Кодекса *).

Сравнительная легкость развода по нашему законодательству, юридически упрощая и облегчая расторжение брака, вместе с тем, создала ряд угроз по отношению к детям, появившимся в результате зарегистрированного брака. Еще в худшем положении находятся дети, появившиеся в результате простого сожителства, ибо право на алименты возникает только по установлении происхождения ребенка, именно, от ответчика. Всяческое уклонение родителей от надлежащей поддержки несовершеннолетних детей стало обычным явлением, и решения Суда весьма часто оставались только на бумаге. Эти причины побудили законодателя издать специальный закон (ст. 165-а Уг. Код.), карающий за неплатеж алиментов и оставление родителями несовершеннолетних детей без надлежащей поддержки.

Таким образом, включение в Угол. Код. ст. 165-а несомненно поставит под более надежную защиту брошенных родителями детей. Однако на практике применение ст. 165-а Уг. Код. в первое время вызовет, вероятно, ряд вопросов и

недоразумений. Прежде всего об юридической природе данной статьи. Преследование возбуждается в публичном порядке, ибо ни в ст. 10, ни в ст. 11 УПК—статьи 165-а Уг. Код. не значится. Таким образом, прокуратура, осведомленная о случае, предусмотренном ст. 165-а Уг. Код., должна возбудить уголовное преследование против нарушителя, и дело не может быть окончено примирением сторон. Представим себе случай, когда уголовное преследование возбуждено по ст. 165-а Уг. Код., и вслед за возбуждением дела родитель выполнил свой долг по отношению к своему ребенку, т. е. уплатил причитающиеся к нему алименты или оказал посильную помощь. По точному смыслу закона дело продолжается, и Суд должен вынести свой приговор. Конечно, Суд учтет всю обстановку и вынесет житейский правильный приговор. Однако, нам кажется, что состав преступления уже отсутствует, и как-будто дальнейшее производство по делу нецелесообразно, а, может быть, даже и вредно. Едва ли неплатеж алиментов имеет самодовлеющее значение; надо думать, что цели закона чисто практические, и что Государственная власть провозгласила данное деяние преступным, стремясь взять

*) В порядке обсуждения.

под свое покровительство слабейшую и наиболее беззащитную сторону. Далее, самый текст ст. 165-а дает основание полагать, что уголовное преследование может быть возбуждено не только тогда, когда имеется на-лицо решение Суда (признанное право на алименты), но и тогда, когда нет еще такого решения—«и вообще оставление родителями несовершеннолетних детей без надлежащей поддержки...» (ст. 165-а). В каком порядке будет разрешаться вопрос, оставлены или не оставлены дети «без надлежащей поддержки», и что надо разуметь под понятием «надлежащей»? Едва-ли будет целесообразным производить такое исследование в порядке дознания или предварительного следствия, ибо в основе своей это спор о праве гражданском. Надо думать, что и в данном случае момент

для вмешательства Государственной власти, в лице прокуратуры, наступит тогда, когда Судом гражданским будут установлены определенные факты, могущие заполнить содержание статьи 165-а Уг. Код.

Суммируя все вышеизложенное, надлежит прийти к выводу:

1. Обвинение по статье 165-а Уг. Код. может быть предъявлено лишь после того, как в гражданском процессе установлены определенные права детей и факт их нарушения.

2. Статья 165-а Уг. Код. может быть с успехом включена в число статей, по которым дела возбуждаются в порядке частного обвинения и могут быть прекращаемы примирением (ст. 10 УПК).

Я. Энтин.

Взыскание по делам об алиментах из пособия по временной нетрудоспособности.

В „Собрании Узак. и Распор. Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР“ № 2 от 27-го января 1925 г. ст. 13 опубликовано Постановление НКТ и НКЮ от 18-го декабря 1924 года „о допущении взысканий по исполнительным листам на содержание членов семьи с сумм, выплачиваемых в качестве пособия по временной нетрудоспособности“; в силу этого постановления из указанных сумм допускается взыскание по исполнительным листам „лишь на содержание членов семьи застрахованного в тех-же пределах, которые установлены в п.п. „а“ и „б“ ст. 289 ГПК для взысканий с заработной платы рабочих и служащих“.

Постановление это является правильным и справедливым. Лицам, близко стоящим к делу удержаний из заработной платы по алиментам, часто приходится наблюдать то тяжелое положение, в которое попадает семья трудящегося при прекращении ему выплаты заработной платы, вследствие его временной нетрудоспособности и перехода его на пособие по социальному страхованию. Ответчик, сохраняя в таком случае свой средний заработок, определенно выигрывал, а семья его, претензия которой была удовлетворена Судом, теряла присужденное вознаграждение.

Несмотря на всю строгость контроля и борьбу с „бюллетенщиками“, на этой почве возможны и прямые злоупотребления. Характерно, что в рабочей среде ленинградских заводов существует

меткое выражение: „гулять по больничному“ (листку).

Это постановление НКТ и НКЮ служит лишь дальнейшим выражением общих мер, принимаемых законодателем для охраны младенчества и материнства, к числу коих относятся: новая редакция ст. 25 ГПК (СУ № 24—1924 г.), предоставляющая право предъявления исков об алиментах по месту жительства истца; циркуляр НКТ, НКЮ и НВВД от 19 января 1925 г. („Еж. Сов. Юст. № 5—7 февр. 1925 г.) о праве присоединения при бесспорном порядке взыскания взносов на социальное страхование также и взысканий алиментов; установление уголовной ответственности за неплатеж алиментов—ст. 165-а УК (Собр. Уз. 79 1924 г.) и др.

Однако это благодетельное нововведение будет иметь действительное значение только в том случае, если для его осуществления будет введен упрощенный порядок обращения взыскания на пособия по временной нетрудоспособности.

Соблюдение всех формальностей, указанных в ст. 288 ГПК, т. е. заявление судебному исполнителю и посылка отзыва в страхкасса, приведет к тому, что ответчик выздоровеет, успеет получить свое вознаграждение, и, вероятно, в 90 случаях из 100 судебный исполнитель получит „отзыв“, что пособие уже выплачено. Иногородние-же истцы абсолютно не в состоянии будут воспользоваться этой новой для них льготой.

В настоящее время в Ленинграде установился порядок взыскания по алиментным делам, — в особенности в тех случаях, когда ответчик — трудящийся госпредприятия, — возможно, не вполне соответствующий букве 288 и 290 ст.ст. ГПК, в силу которых удержанные суммы должны вноситься судебному исполнителю и им выдаются взыскателю, но вполне целесообразный и устраняющий всякую волокиту в этих делах. Судебный исполнитель по получении исполнительного листа с заявлением истицы об обращении взыскания на заработную плату и вручении повестки ответчику, пересылает исполнительный лист в госпредприятие, а истице выдает на руки удостоверение на право непосредственного получения денег из кассы учреждения или сообщает, по какому адресу следует высылать деньги, если истица живет вне Ленинграда.

Исходя из общего начала нашего законодательства, что Суд и его органы не только в праве, но и обязаны проявлять активность и инициативу, в особенности, в делах, связанных с защитой интересов трудящихся и, в частности, детей трудящихся, что это начало нашло свое выражение и в § 22 Инструкции судебным исполнителям, утвержденной Пленумом Ленинградского Губ. Суда, в силу которого „при взысканиях, производимых госорганами или кредиторами из числа рабочих и крестьян, если таковые не располагают сведениями о том, каким именно имуществом должник обладает и где оно находится, судебный исполнитель, руководствуясь ст. 5 ГПК, изыскивает наиболее целесообразный способ взыскания“, мы полагаем бы целесообразным установление следующего порядка проведения в жизнь упомянутого постановления НКТ и НКЮ от 18-го декабря 1924 г.

Предприятие, в котором находится трудящийся, на заработную плату которого обращено в установленном порядке взыскание по алиментному делу, при отметке на обороте больничного листка о размере заработка (а без такой отметки страховая касса не производит выплаты пособия) делает

соответственную отметку, руководствуясь исполнительным листом и требованием судебного исполнителя (288 ГПК), напр., по следующей форме:

а) „согласно исполнительному листу Нарееда „отделения г. Ленинграда от за № надлежит удержать на содержание детей 30% пособия по временной нетрудоспособности и деньги выдать NN по представлении удостоверения Суд. Исполнителя от за №“ или

б) „ деньги выслать за счет истицы по адресу“ или

в) „ деньги внести Судебному Исполнителю“.

Во всех этих случаях будут соблюдены интересы истцов, так как в случае „а“ истица, приходя за „получкой“ в предприятие, узнает, что часть причитающихся ей сумм она получит из Районной Страховой кассы, в случаях „б“ и „в“ истица будет автоматически получать присужденные ей суммы.

Предлагаемый нами порядок устраняет всякую волокиту в деле, не допуская по самому существу никакой волокиты, освободит истцов и судебных исполнителей от излишней переписки и не составит особых затруднений для предприятий, так как сведения об удержаниях всегда сосредоточены в отделениях по расчету зарплаты.

Мы полагаем, что по отношению к Ленинграду этот порядок мог бы быть установлен Инструкцией Губсуда, изданной совместно с Губотделом Труда, с опубликованием ее в „Вестнике Ленинградского Совета“.

Дабы подчеркнуть значение этого вопроса, мы укажем, что число алиментных исполнительных листов на одном из крупных ленинградских предприятий составляло на 31-е декабря 1924 г. — 48; поступило в 1925 г. в январе — 14 и в феврале — 9, а всего — 71. Из этого числа в 14 случаях истицы живут вне Ленинграда, и деньги им высылаются по почте.

Л. И. Асин.

Всех подписчиков журналов „Рабочий Суд“ и „Суд идет!“, не получивших какого-либо из предшествующих номеров журналов за 1925-й год, просим немедленно сообщить о том в контору „Рабочего Суда“ (Ленинград, Проспект 25 Октября, 54) и указать фамилию (или название учреждения), адрес и № подписной квитанции.

По выяснении в Почтамте и экспедиции причины неаккуратной доставки журналов, недостающие номера будут Конторой высланы подписчикам вновь.

Заявления просим присылать немедленно по получении следующего очередного номера журнала, как только выяснится недоставка предыдущего.

Контора журнала «Рабочий Суд».

К вопросу о конфискации имущества по судебному приговору.

До настоящего времени наша судебная практика не установила твердой линии, склоняясь то в сторону конфискации точно определенных предметов, входящих в состав имущества осужденного, то ограничиваясь формулой конфискации имущества на определенную сумму рублей. Однако, если наша практика по этому вопросу колеблется, все-же можно безошибочно сказать, что тенденция судебных приговоров идет в сторону второй формулы, т.-е. в сторону конфискации имущества, выраженного в денежном эквиваленте (равностоимости). Это имеет свое оправдание как в законе, так и в складывающихся общественно-экономических отношениях. Некоторая сбивчивость терминологии законодателя исторически вполне объяснима. Уголовный Кодекс был введен в действие в июне 1922 года, т.-е. в то время, когда наша, так называемая, новая экономическая политика делала только первые шаги; разработка же и подготовка самого Кодекса относится к еще более раннему периоду. Естественно, что перед законодателем была совершенно иная картина экономических отношений, нежели в настоящее время. В эпоху составления и разработки Кодекса отношения были чрезвычайно просты, и каждый гражданин мыслился по преимуществу, как суб'ект, имущество которого почти не выходило за пределы предметов личного потребления, квартирной обстановки или орудий производства мелкого хозяина (кустара или крестьянина).

Только этим взглядом можно объяснить освобождение от конфискации предметов пропитания на срок до шести месяцев. (Не мешает вспомнить до-нэповские нормы). Я думаю, что ныне, поскольку речь идет о городах, не найдется ни одного чудака, у которого были-бы запасы продовольствия не только на 6 месяцев, но на 6 недель.

Можно безошибочно сказать, что судебный исполнитель, явившись ныне в семью, состоящую из 4-5 человек, и найдя там предметы пропитания (чай, сахар, муку, мясо, крупу и пр., и пр.) на шесть месяцев, — сочтет это за скрытый от органов обложения лабаз. Естественно, что при таких экономических отношениях законодатель не был достаточно четок в своей терминологии. Нам еще не успел тогда выявить свое лицо.

Ныне положение совершенно иное. Настаивать сейчас на конфискации точно определен-

ных вещей не приходится, равно как составление и представление подробных описей зачастую будет только нецелесообразной затратой времени, труда и денег.

При «степе» каждый шкаф, каждый индивидуальный предмет был базой для самосохранения, и отнятие (конфискация) любой вещи было сильным ударом. Тогда и опись имела смысл, ибо она давала подчас возможность нанести удар сильнее, ибо имущество сводилось или почти сводилось к предметам домашнего обихода и личного потребления. Ныне-же, когда конфискуется имущество (или часть) лица, владеющего торговым предприятием, в котором на десятки (а часто и сотни) тысяч рублей самого разнообразного товара, — для Суда выбор тех или иных предметов совершенно безразличен. Суду важно поразить осужденного путем нанесения ему имущественного удара, и с этой точки зрения для него (Суда) важна сумма, а не предмет конфискации. Даже тот зеркальный шкаф, о котором речь идет в «Дневнике следователя» («Рабочий Суд» № 5-6) в свое время имел смысл, ибо многочисленные организации производили распределение по ордерам и в натуре. Ныне и Собес вместо шкафа даст денежный эквивалент. Если-же обратиться к 38 статье УК, то и она вовсе не говорит категорически о необходимости конфискации вещей, определенных родовыми признаками. Ст. 38, определяя конфискацию, говорит, что это есть безвозмездное отчуждение в пользу государства всего или точно определенного Судом имущества. На наш взгляд — выражение «точно определенного Судом имущества» надо рассматривать, как противопоставление частичной конфискации полной, т.-е. как часть к целому — и только. И редакция отдельных статей УК также говорит о конфискации всего имущества или части его, без дальнейших уточнений. Верно лишь, что конфискуемая часть имущества должна быть точно определена, как, вообще, всякое наказание должно быть точно определено. Неточность определения не обязательно должна выразиться предметами, подлежащими конфискации, а различно и точно может быть выражена денежным эквивалентом. Иначе сейчас и быть не может. Говоря о конфискации имущества, необходимо исходить из юридического определения понятия имущества.

В науке права под имуществом разумеют совокупность подлежащих денежной оценке юри-

дических отношений, в которых находится известное лицо. Сюда войдут и права на действия третьих лиц, и авторское право, и патент на изобретение, имущество наличное и долговое, платежи, которые причтутся через продолжительное время, и проч.

В момент вынесения приговора неизвестно, причтутся ли писателю авторские за переделку, скажем, романа в пьесу, за переложение слов на музыку, неизвестно, будет ли вексель оплачен, будут ли выполнены действия третьими лицами, и проч. При конфискации строго определенного имущества — все это ускользает от поражения, ибо нет смысла конфисковать то, что может и не поступить в имущественную массу; при системе же конфискации, выраженной денежной формулой, и авторский гонорар, и чужие действия и пр., и пр. будут находиться под постоянным ударом карающей власти, другими словами, государство сохраняет за собою право и возможность настичь осужденного гражданина в любой момент, когда у него окажутся средства. При развернутых денежно-товарных отношениях государство не может не учесть, что нарождающаяся новая буржуазия будет всеми мерами скрывать свое имущество. При таком положении вещей конфискации часто будет терять свое значение, если ее будут выражать в формуле строго определенных предметов, а не в денежном эквиваленте. Именно с точки зрения воздействия на преступника, государство должно держать свой меч над осужденным, пока не получит с него всего того, что определено приговором. При конфискации же определенных вещей легко можно будет отобрать шкаф, и, вместе с тем, оставить осужденному тугой кошелек с червонцами, которые при первом же удобном случае будут пущены в оборот, без боязни посягательства на них со стороны государства. Целесообразность конфискации по денежной формуле особенно ярко сказывается в

некоторых группах преступных деяний, предусмотренных статьями 81-б, 81-в, 81-г, 81-д, 205, 205-а, 205-б, 205-в и т. д., то есть статьями, предусматривающими воинские преступления и тесно к ним примыкающие. В самом деле — наша армия является армией крестьянской по преимуществу, и по теории вероятностей наибольший процент воинских преступлений будет упадать на крестьянские слои населения. Если оставаться на почве конфискации вещей, определенных точными признаками, конфискации создаст непреодолимые трудности. Нарушителями соответствующих статей будет по преимуществу крестьянская молодежь. Что можно у нее конфисковать? Ведь крестьянское хозяйство есть хозяйство семейное раньше всего, хозяйство не отдельного лица, а двора (семьи). Призывная и допризывная молодежь — не хозяева, а лишь члены двора. Индивидуальная собственность молодежи равна нулю, а право выдела обставлено целым рядом вполне разумных и законных стеснений. Конфискации по формуле определенных вещей сведется либо к нулю, либо к разорению всего двора. Конфискации же по денежному эквиваленту дает возможность настичь осужденного и тогда, когда он станет самостоятельным хозяином, когда уйдет на заработки в город, когда обзаведется отдельным имуществом и пр.

Гибкость этой формулы конфискации ясна. Таким образом, мы приходим к выводу, что при настоящих экономическо-хозяйственных отношениях наша судебная практика, склоняющаяся к формуле конфискации, определенной известной денежной суммой, и правильна, и целесообразна, и действительна. Эта формула тем приемлемее, что она не находится в принципиальном противоречии ни с действующим Уголовным Кодексом в целом, ни с 38 статьей Уг. Код. в частности.

Л. О. Г.

Книжный отдел Издательства „РАБОЧИЙ СУД“.
Ленинград, Проспект 25-го Октября, д. № 54. Тел. 172-64 и 232-34.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ НОВЫЕ КОДЕКСЫ (1925 года):

Гражданский Кодекс РСФСР с алфавитно-предметным указателем	Ц. 40 к.
Гражданско-Процессуальный Кодекс с алфавитно предметным указателем	40 "
Уголовный Кодекс РСФСР с алфавитно-предметным указателем	40 "
Уголовно-Процессуальный Кодекс с алфавитно-предметным указателем	40 "
Кодекс Законов о Труде с дополнениями и с алфавитно-предметным указателем	20 "
Лесной Кодекс РСФСР с алфавитно-предметным указателем	30 "
Земельный Кодекс с алфавитно-предметным указателем	30 "
Положение о Судостроительстве РСФСР и Верховном Суде СССР	20 "
Ветеринарный Устав	" 20 "

Кодексы высылаются по первому требованию наложенным платежом по почте и жел. дор.

О делах, возбуждаемых по частной жалобе.

Нельзя не согласиться с обстоятельными доказательствами и выводами т. Ратнера в вопросах о толковании ст. 10 УПК («Рабочий Суд» № 11-12).

И самый закон, и применение его на практике не вызывают никаких сомнений в том, что дела, возбуждаемые «не иначе, как по жалобе потерпевшего», не могут возбуждаться «иначе», т. е. прокурором, следователем, Судом, органами дознания, по заявлению граждан.

Но есть один случай в делах, возбуждаемых лишь по жалобе потерпевшего, когда общее правило должно иметь исключение. Это — по делам о преступлениях, предусмотренных 2 ч. 169 ст. УК. В самом деле, как может быть возбуждено дело, если потерпевшая окончила самоубийством? Неужели такое дело останется лишь делом «об исследовании причин смерти такой-то» и пойдет на прекращение... за отсутствием жалобы потерпевшей. А вот, в том случае, когда после изнасилования будет иметь место лишь покушение на самоубийство, потерпевшая останется жива, подаст жалобу, — тогда дело, как возбужденное в надлежащем порядке, получит законный ход по линии привлечения к ответственности виновных.

Можно ли признать справедливым такое разрешение вопроса в обоих случаях? Конечно, нельзя. Ведь, нельзя же предположить, что законодатель, вводя 2 ч. 169 ст., имел в виду только такие случаи, когда потерпевшая, после изнасилования, лишь покушалась на самоубийство, а потом подала жалобу. Тот факт, что законодатель, усиливая карательную санкцию за изнасилование, установил, что поводом к ее усилению служит обстоятельство, не имеющее ничего общего с намерением преступника и способом совершения самого преступления, а только результат, для наступления которого преступление является лишь причиной, — говорит о том, что наличие самоубийства, как последствие изнасилования, является, по мнению законодателя, совершенно исключительным фактом, требующим к себе столь же исключительного внимания. И законодатель во 2 ч. 169 ст. УК говорит именно о самоубийстве, а не о покушении на самоубийство.

Таков подход к вопросу с точки зрения, так сказать, теоретических рассуждений. Столкновение же с фактами действительной жизни только подтверждают вышеизложенное. Недавно в практике имел место такой случай. В лесу был обнаружен труп повесившейся молодой девушки, дочери рабочего совхоза. При первом же осмотре трупа в глаза бросились все типичные признаки изнасилования. Расследование устано-

вило с полной несомненностью, что самоубийство было прямым последствием изнасилования. Обнаружен был и виновный. Все обстоятельства дела вызвали глубокое негодование к насильнику. Более того, личность преступника выявилась, как определено социально-опасная в том, именно, направлении, коему посвящен раздел 4-й главы V УК. Неужели же, за отсутствием жалобы потерпевшей, такая личность останется без заслуженного наказания?

Надо полагать, что и пример из действительной жизни убеждает в желании законодателя, установившего 2 ч. 169 ст. УК, дать иное направление делам о таких преступлениях, нежели о предусмотренных 1 ч. 169 ст. УК.

При наличии признаков преступления, предусмотренного 1 ч. 169 ст. УК, как ни возмущает подобное преступление само по себе, совершенно понятно мудрое решение законодателя о возбуждении дел по таким преступлениям лишь по жалобе потерпевшего лица. В переживаемый нами переходный период, когда сделано еще только несколько шагов от капиталистического строя на пути к коммунизму, нельзя не считаться с известными пережитками и предрассудками, укоренившимися в сознании, особенно, женщин (стыдливость, репутация и т. п.), нельзя не учесть возможных шантажей и многого другого.

Но случаи, предусмотренные 2 ч. 169 ст. УК, должны быть рассмотрены иначе, и можно с уверенностью сказать, что законодатель не предполагал 2 ч. 169 ст. УК поставить в формальную зависимость от ст. 11 УПК.

Надо полагать, что здесь имеется некоторая неувязка, как это случается и в других местах нашего УК и УПК. С каждым годом опытом познаются такие неувязки или «пробелы», но новеллами такие упущения шаг за шагом исправляются.

Было бы желательно, чтобы и вопрос о возбуждении дел по 2 ч. 169 ст. УПК был урегулирован законом.

По моему мнению, следовало бы ст. 11 УПК дополнить примечанием: «дела о преступлениях, предусмотренных 2 ч. 169 ст. УК, могут возбуждаться и без жалобы потерпевшего лица в случае, когда потерпевшее лицо умерло вследствие самоубийства, последовавшего по причине изнасилования».

Такой редакцией примечания исключаются случаи с покушением на самоубийство, для которых, полагаю, должен быть общий порядок возбуждения.

Г. Краснодар.

Г. Робинсон.

Еще о ст. 11 УПК *).

Анализ ст.ст. 10 и 11 УПК свидетельствует, что все предусмотренные в УК преступления можно разделить на две неравных группы, основываясь на условиях возбуждения преследования. Первую группу составят те преступления, которые преследуются органами власти уже в силу того, что они совершены.

Органы власти обязаны преследовать эти преступления.

Вторую же, крайне незначительную группу составляют девять преступлений, которые указаны в ст.ст. 10 и 11 УПК, и для преследования которых недостаточно одного факта их учинения, а требуется еще жалоба потерпевшего лица.

Что это деление реально, — подтверждается тем обстоятельством, что отсутствие жалобы потерпевшего влечет за собою в силу п. 3 ст. 4 УПК прекращение уголовного процесса независимо от стадии его развития. Более того, — если не прекращенное в силу п. 3 ст. 4 УПК такое дело дошло до кассационной инстанции, то таковая на основании п. 2 ст. 415 и ст. 418 УПК обязана не только отменить постановленный приговор, но и прекратить производством все дело.

Однако имеются случаи, заставляющие критически отнестись к такому категорическому требованию ст. 11 УПК. В качестве примера я приведу случай. Иванов изнасиловал Петрову, которая со стыда покончила с собой.

Деяние Иванова должно квалифицироваться по ст. 169 ч. 2 УК, — это бесспорно. Наказание вышается со срока «не ниже 3 лет» на срок «не ниже 5 лет». Но как же применить к нему наказание? Ведь для того, чтобы возбудить против Иванова уголовное преследование по ст. 169 ч. 2 УК необходима, согласно ст. 11 УПК, жалоба потерпевшей, коей уже больше нет в живых. А так как от мертвого получить жалобу нельзя, то приходится сделать (не допустимый) вывод, что для того, чтобы виновный отвечал по ст. 169 ч. 2 УК, необходимо, чтобы потерпевший сначала подал жалобу, а потом покончил жизнь самоубийством. Иначе же виновный не только не будет отвечать по ст. 169 ч. 2, но его нельзя даже будет привлечь и по первой части этой статьи, ибо жалобы потерпевшего нет.

В конечном счете можно сделать лишь то заключение, что ст.ст. 11 УПК и 169 ч. 2 УК

друг-другу противоречат, или, что, по моему мнению, более правильно, что ст. 11 УПК говорит лишь о преступлениях, предусмотренных исключительно первой частью ст. 169 УК, т. е., что в этом отношении ст. 11 УПК имеет редакционный пробел, подлежащий заполнению.

Обратимся к анализу преступлений, преследуемых исключительно по жалобе потерпевшего, чтобы выяснить, в силу каких соображений государственная власть установила такой порядок их преследования.

Анализ преступлений, указанных в ст. 10 УПК, говорит, что эти преступления настолько жизненно-мелки, настолько мало свидетельствуют о социально-опасном состоянии лица, их учинившего, и настолько затрагивают лишь интересы потерпевшего субъекта, что государство, в силу этих соображений и в силу их частой повторяемости, отказывается принципиально от преследования таких преступлений и передает на усмотрение потерпевшего решение вопроса о преследовании учинившего такое деяние. Поэтому то, раз государственная власть преследует эти преступления исключительно в интересах потерпевшей личности, а не в интересах общегосударственных, потерпевшему предоставляется право прощения виновного, отнимаемое от него лишь в специально-предусмотренных случаях: 1) вступления приговора в законную силу и 2) вступления прокурора в качестве обвинителя в уже начавшееся по частной жалобе дело.

Перейдем теперь к ст. 11 УПК и ст. 169 УК. Тут дело обстоит несколько иначе. Тут потерпевшему предоставлено право лишь возбудить или не возбудить преследование, но право прекратить преследование, простив обвиняемого, ему не предоставлено. Разница эта в объеме прав потерпевшего объясняется, по моему мнению, следующим образом.

Изнасилование, как преступление, не только не является деянием ничтожным, как оскорбление или иные преступления, описанные в ст. 10 УПК, но, наоборот, свидетельствует о довольно сильно выраженном социально-опасном настроении преступника как потому, что требует от него определенных усилий для приведения в исполнение своего намерения (физическое или психическое насилие и т. п.), так и потому, что может весьма пагубно отразиться на психике жертвы — сумасшествие, самоубийство и т. д. Кроме того, изнасилование, как деяние, настолько связано с интимной стороной жизни потерпевшего лица, что жертва не всегда со-

*) В порядке обсуждения.

гласна сделать гласным постигшее ее несчастье (судебная практика, впрочем, свидетельствует, что этот ложный стыд теперь все более и более изживается) и перетерпеть потом все необходимые процессуальные действия — освидетельствование, допрос и т. д. Поэтому-то, во избежание причинения жертве излишних нравственных мучений, в УПК и установлены такие статьи, как 19 и 191, ограждающие нарушение интимной стороны потерпевшего.

Вследствие этого законодатель, считаясь с тем, что старые, буржуазные взгляды на половую честь у нас еще довольно сильны, предоставляет возможность потерпевшему от изнасилования лицу учесть все за и против, а затем уже поступить так или иначе: подать жалобу или нет. И только с подачи жалобы органы власти начинают преследование виновного.

Возьмем теперь случай «промежуточный» между первой и второй частями ст. 169 УК — последствием изнасилования было сумасшествие потерпевшего. Можно ли возбудить в данном случае преследование, имея в виду ст. 11 УПК, и если можно, то кто его возбудит?

Предварительно нужно решить еще вопрос — по первой или по второй части ст. 169 УК нужно квалифицировать преступление. Вопрос этот вовсе не академичен, ибо квалификация по ст. 169 ч. 1 делает невозможным преследование, в то время как квалификация по ст.ст. 10 и 169 ч. 2 вызывает лишь споры о том, кто может возбудить преследование: не считать же в самом деле ст. 169 ч. 2 пустым местом в УК, как я об этом выше говорил.

Замечу от себя, что в данном случае в нашем УК имеется порядочный пробел по сравнению его с УК УССР, в коем ст. 169 ч. 2 предусматривает последствием изнасилования не только самоубийство, но и тяжкую болезнь потерпевшего лица. Поэтому желательно соответствующее дополнение текста ст. 169 ч. 2 нашего УК в сторону приближения его к тексту таковой-же статьи УК УССР.

В то время как карательная деятельность государства, как общее правило, приводится в действие самим фактом совершения преступления, не считаясь несколько с желанием потерпевшего изменить направление преследования в сторону смягчения наказания, примирения и т. д., при преступлениях, указанных в ст. 10 УПК, дело с преследованием преступления обстоит совершенно иначе. Тут совершение преступления не только не приводит в движение деятельность органов власти, но, наоборот, эта деятельность вызывается лишь жалобой потерпевшего. Государство, как не заинтересованное по вышеуказанным соображениям в преследовании таких преступлений, преследует их только

тогда, когда имеется ясно выраженное на то желание потерпевшего (жалоба), причем осуществляется это преследование не в своих интересах, а в интересах потерпевшего, предоставляя ему поэтому и право прощения обвиняемого, которое отнимает от него лишь в некоторых случаях (см. выше). Таким образом, жалоба потерпевшего по такому преступлению является не чем иным, как обращением потерпевшего к государству, в лице его органов, с просьбой о наказании виновного. Есть у потерпевшего желание наказать виновного — он обращается за содействием к государству, и оно приходит ему на помощь. Нет у него такого желания — государство остается в стороне неммым зрителем.

Выясним теперь характер жалобы потерпевшего от преступления, предусмотренного в ст. 169 УК.

При изнасиловании жалоба потерпевшего является не извещением о факте, как вообще, не обращением за содействием к правосудию, как в случаях, указанных в ст. 10 УПК, а является разрешением на преследование, даваемым потерпевшим органу власти. Говоря точнее: — при изнасиловании карательная деятельность государства сдерживает себя до момента подачи потерпевшим жалобы (разрешения).

Обращаясь теперь к случаю изнасилования, закончившегося самоубийством жертвы — ст. 169 ч. 2 — нужно сказать, основываясь на вышеуказанных соображениях, что преступление это безусловно должно караться, и вопрос должен идти лишь о том, кто возбуждает преследование: близкие лица умершей, или им подобные (квартирный хозяин и т. д.), или органы власти (прокуратура, милиция и т. д.).

Если предоставить возбуждение частным лицам, то тут придется столкнуться со случаями нежелания возбудить преследование. Причины могут быть разнообразны: нежелание огласки позорного случая с дочерью, с сестрой, в других же случаях — покровительство преступнику. Обязанности же доносить о преступлениях у нас не существует, за исключением случаев, указанных в ст. 89 УК. Поэтому, предоставляя возбуждение усмотрению частных лиц, государство ничего не выиграет в деле преследования виновных. Остается лишь одно, — чтобы в случаях, квалифицируемых по ст. 169 ч. 2 или с применением аналогии, преследование возбуждалось органами власти. В этом — громаднейший пробел ст. 11 УПК, ибо она, помимо того, что дает основание думать вообще о возможности преследования по ст. 169 ч. 2 УК, даже при утвердительном ответе на этот вопрос, оставляет еще открытым вопрос о том, как возбуждается в этом случае преследование: по чьей-то жалобе (тогда возможны указанные мною явления) или

органами власти. Законодательное заполнение этого пробела необходимо в срочном порядке.

После всего сказанного можно приступить к выяснению тех изменений, кои желательно внести в ст. 11 УПК.

Приведенный анализ показывает, что достоинств ст. 11 УПК не имеет, а недостатков в ней более чем достаточно. Нужно, однако, указать на еще один крупный недостаток ст. 11 УПК по сравнению ее со ст. 10 УПК.

Несмотря на то, что указанные в ст. 10 УПК преступления являются незначительными, все же, при признании прокуратурой необходимым вступить в дело в целях поддержания публичного интереса (жалоба предполагается поданной), обвинение переходит к прокуратуре, причем потерпевший теряет право прощения виновного. Это по преступлениям незначительным, как было сказано выше.

И в то-же самое время при изнасиловании, даже связанном с другим преступлением, имеющим безусловно публичный интерес, руки прокуратуры связаны отсутствием жалобы потерпевшего. Тут уже безусловно потерпевший должен быть лишен своего права налагать запрет на деятельность органов власти. Получается не вынужденная условиями сегодняшнего дня от-

дача дани старым взглядам на половую честь, а возведение этой чести в какой-то кумир, в жертву которому должны приноситься даже государственные интересы.

Поэтому, по моему мнению, ст. 11 УПК нужно изменить так, чтобы:

1) в случае совершения преступления, квалифицируемого по ст. 169 ч. 1 УК, преследование возбуждается по жалобе потерпевшего, но в случаях, когда прокуратурой данное дело будет признано имеющим общественный характер, преследование должно возбуждаться прокуратурой;

2) в случае-же изнасилования, квалифицируемом по ст. 169 ч. 2 УК, или по аналогии с ней, преследование должно возбуждаться органами власти, но отнюдь не по усмотрению тех или иных частных лиц.

Таковы те дополнения, кои желательно самым скорым образом внести в ст. 11 УПК.

Полагаю, что приведенные примеры достаточно убедительно говорят за то, что статья эта в настоящее время противоречит задачам уголовной политики Советской власти, а потому и нуждается в соответствующем приспособлении к этим задачам.

Е. Дворщан.

Характерные особенности деревенских преступлений.

Диспут в Криминологическом Кабинете.

15 июня с. г. Криминологический Кабинет Ленинградского Губсуда устроил в зале Губсуда диспут на тему: «Характерные особенности деревенских преступлений. Быт и психология».

Новизна темы привлекла много слушателей не только из среды судебных работников, но и врачей, представителей экспертизы, этнографов, сельских учителей. В зале присутствовали также и крестьяне.

Докладчиками выступили проф. А. М. Большаков и руководитель Кабинета проф. Л. Г. Оршанский.

В своем докладе проф. Большаков указал, что лозунг «лицом к деревне» обязывает к внимательному изучению деревни, но в ней наблюдается такое коренное расслоение, что трудно набросать даже основные ее черты. Есть еще и сейчас, на восьмом году революции, деревня, где существует вера в колдунов, идолопоклонство (идол называется «Никола на колесах»), наряду с другой деревней, где все старики сплошь безбожники, где жители (дер-

Коктелье) постановили устроить машину, чтобы «слова ловить, которые по воздуху летают» (радио).

Житейские и общественные отношения, из которых складывается быт деревни, в разных местах также различны. В дер. Русса-Кривловцы жена бросила мужа и стала жить с другим. Председатель сельсовета решил вступить за честь покинутого супруга и... собрал сход.

— Товарищи, — заявил председатель, — у Омельки жинка сбежала. Как-же так? Омелько — незаможник, и власть ему должна помогать!

И чтобы восстановить справедливость, а с нею и семейное равновесие, жену и ее избранника до тех пор секи крапивой, пока они не откажутся от совместной жизни.

А в дер. Кривицкой порют вообще в порядке административного воздействия, например, за неисправную крышу.

И в противовес этой безотрадной картине докладчик привел письмо из деревни красноармейца Подреза к курсантам 1-й пехотной

школы, указывающего на тот просвет, который он увидел у крестьян в деревне, на те «тысячи вопросов», которыми они его забрасывали, на интерес их к политике, на необходимость высылать в деревню газеты и журналы, так как в них большая нужда...

А сколько бодрых мыслей пробуждает прочитанное докладчиком письмо двух пионеров! Письмо адресовано: «В Москву. Мавзолеем Ленина. Для Владимира Ильича». Письмо это, как известно докладчику, было доставлено в ЦК РКП.

Так намечаются прекрасные линии молодой СССР.

С одной стороны—старая «Рассея», с другой—СССР. С одной стороны—однополье, плуг, лавка деревенского кулака, с другой—многополье, сельско-хозяйственная машина, кооператив.

Если свести воедино тот фон, на котором протекает жизнь современной деревни, то мы увидим, во-первых, обостренную борьбу отживающих начал с нарождающимися, во-вторых, хозяйственный подъем, который виден хотя-бы в увеличении вчетверо посевной площади по сравнению с 1921 годом, и, в-третьих, рост деревенской общественности и устранение лежащих на пути по ее внедрению препятствий.

Проф. Оршанский в своем докладе, посвященном психологии деревенских преступлений, отметил, что последние совершенно не изучены, в то время как преступления города в свете экономики, быта, психологии и психопатологии исследователи посвящают не мало внимания.

О деревенских преступлениях имеется большой и необработанный до настоящего времени сырой материал в столичной и провинциальной печати, и диспут, который устроен Криминалогическим Кабинетом по этому вопросу, является первым опытом в этом направлении, имея прежде всего целью, во-первых, выявить значение и неотложность активного интереса к вопросу о деревенских преступлениях в тесной связи с работой по смычке города и деревни и, во-вторых, вызвать к деятельному сотрудничеству судебных работников деревни, работников просвещения, избачей, селькоров и др. (статистические данные, выяснение психологических мотивов, бытовых условий преступности).

Этих статистических данных по вопросу нет, специальная литература о деревне уделяет очень мало внимания правонарушениям сельчан.

Однако своеобразное сочетание мотивов преступлений, технические средства при их выполнении и, вообще, отношение к ним, как со стороны самих правонарушителей, так—и это особенно важно для проникновения в душу современной деревни—и со стороны односельчан,—

настолько разнятся от городских, что создается особый юридико-психологический материал, повелительно требующий тщательного изучения.

При оценке преступлений деревни очень большое значение имеет психология целого класса—крестьянства, всецело определяемая его профессией, которой в большинстве случаев является земледелие. По существу психология человека, живущего на земле, под постоянной властью ее, является примитивной, первичной. В строении душевной жизни человека города и деревни наблюдается глубокое различие. Первичность и упрощенность переживаний деревенского жителя, отсутствие сложных культурных и психических тормозов, присущих горожанину, создает,—выражаясь языком современного учения о высшей нервной деятельности,—свою, крестьянскую «психологию поведения». Она не изучена, но она есть, и в ней надо искать объяснение такой социальной болезни, как деревенские преступления. Из этой психологии вытекают склонность к действию «скопом» (в деревне очень часты правонарушения с участием многих лиц), нередкая суровость расправы и др.

Преступления экономического характера, нарушающие интересы крестьянина, поскольку они притягиваются к земле,—конокрадство,—вызывают с его стороны самое жестокое отношение к преступнику. Такое же отношение вызывает и кража. Семейные отношения, в особенности отношения родителей к детям и наоборот, на почве имущественных интересов, служат поводом к возникновению тяжких правонарушений.

Преступления против селькоров, естественно, не могут иметь места в городе. Наконец, ряд преступлений в деревне происходит оттого, что душевно больные лица находятся там на свободе без надзора и лечения.

Особое место занимают преступления, связанные с не изжитым еще снохачеством и с еликушеством.

Деревенское хулиганство, побоища двух деревень из-за девушек—резко отличаются от городского хулиганства и от городской ревности.

Таким образом, власть земли, медленный темп материальной и духовной жизни деревни, неслиянность города и деревни выделяют деревенские преступления в социальное явление с целым рядом существенных особенностей.

Это надо осознать в эпоху лозунга «лицом к деревне».

Оба доклада вызвали оживленные прения, затянувшиеся за полночь. В прениях принимали участие судебные работники: т.т. Вяткин, Рогаткин, Ильин, Данилов, Ривкин.

Заведывающий этнографическим отделением Русского Музея проф. Золотарев указал на то, что деревня наша пестра и многолика, а потому надо делать очень осторожные обобщения и тщательно анализировать ее жизнь, лучше всего в каком-нибудь отдельном уголке. Различный национальный состав нашей деревни обуславливает различное отношение к одному и тому-же факту, будь это преступление или

что-либо иное. Наконец, следовало-бы углубить изучение крестьянского обычного права.

В заключительном слове оба докладчика остановились на важности затронутой темы и желательности ее дальнейшей проработки. Мысль эта нашла живой отклик у слушателей, которые в этом смысле и вынесли единогласно принятую резолюцию.

Кассационная практика.

О притворной сделке купли-продажи. — О праве фабрик и заводов искать и отвечать на Суде. — О праве продажи мебели в 1918 году.

Верховный Суд по Кассационной Коллегии по гражданским делам слушал дело по иску гр. Рольника В. Б. к Торгово-Промышленному Т-ву „Двигатель“ о взыскании 1170 руб. по договору, по кассжалобе гр. Рольника В. Б. на решение Губсуда от 12/15 декабря 1924 г. коим определено:

„в иске Рольнику Вольфу Бороховичу к Торгово-Промышленному Т-ву „Двигатель“ в сумме 1170 руб. отказать, взыскать с истца в пользу ответчика 60 руб. судебных и на вознаграждение представителя издержек“.

Принимая во внимание, что, *придя к выводу о наличии по настоящему делу притворной сделки комиссии (поручения), прикрытой совершенным сторонами договором купли-продажи, Губсуд обязан был применить, согласно 35 ст. ГК, положения, относящиеся к той сделке, которая в действительности имела сторонами* в виду, тем более, что сам же Суд в своем решении признает, что истец Рольник имеет право требования к ответчику о возврате ему уплаченных им 1500 руб., а также комиссионного вознаграждения, — ГКК решение отменила.

(Дело № 3762).

Верховный Суд по Кассационной Коллегии по гражданским делам слушал дело по иску гр. Васильева Г. В. к администрации завода „Русский Дизель“ о взыскании 2269 р. за увечье, по кассационной жалобе Ленинградск. Госуд. Машиностроительного Треста на решение Ленинградского Губсуда от 29/1—25 г., коим определено: обязать завод „Русский Дизель“ уплачивать Васильеву пожизненную пенсию в размере 15 р. 76 к. ежемесячно, начиная с 2 ноября 1923 г., взыскать с ответчика в пользу истца на судебные и по вознаграждению представителя расходы 28 р. 36 к., взыскать с ответчика в доход казны судебную пошлину и местный сбор в размере 6% с цены иска, т. е. 34 р. 2 к.

Рассмотрев настоящее дело, ГКК Верхсуда находит: 1) что *поскольку заводы и фабрики, входящие в состав того или иного треста,*

вступают в обязательства и приобретают права по имуществу, они должны быть признаны юридическими лицами и вправе как искать, так и отвечать на Суде, поэтому соображения кассатора со ссылкой на 2 и 3 ст. ст. декрета ВЦИК и СНК от 10 апреля 1924 г. о трестах о том, что завод „Русский Дизель“ неправильно признан Губсудом ответчиком по делу, не заслуживает уважения, 2) что остальные доводы кассатора относятся к существу дела, не подлежащему проверке в кассационном порядке. А потому ГКК Верхсуда определяет: кассационную жалобу Ленингр. Государств. Машиностроительного Треста оставить без последствий. (Дело № 3984).

Вывод Суда, что сделки с имуществом в период с 1918 г. были воспрещены законом, не имеет себе подкрепления в действовавших в то время узаконениях Советской власти, ибо специальных декретов о воспрещении продажи гражданами друг другу предметов домашнего обихода не было.

Верховный Суд по Кассационной Коллегии по гражданским делам слушал дело по иску гр-ки Григорьевой М. И. к Особому Отделу Ленинградского Военного Округа, Ленинградскому Губфинотделу и к гр-ну Григорьеву С. Г. о признании права собственности на имущество по кассационной жалобе гр-ки Григорьевой М. И. на решение Ленинградского Губсуда от 14 ноября 1924 г., коим определено:

„признать за гр-кой Григорьевой Марией Ивановой право собственности на имущество, перечисленное в описи судебного исполнителя Губсуда от 10 сентября 1923 г., за исключением гостиной, значащейся по той-же описи с № 16 (шестнадцатого) по № 31 (тридцать первый) включительно, таковую гостиную передать в Натурфонд Губотсобееса, с присужденного имущества наложенный арест снять и передать по принадлежности, обязать Губотсобееса передать в Губоно из имущества гостиной пианино фабрики „Бек-

кер“ № 30053, руководствуясь ст. 37 ГПК, признать исковую сумму в размере 900 р. и взыскать с истицы дополнительно судебные пошлины и сборы“.

Рассмотрев настоящее дело, ГКК Верховсуда находит, что решение Губсуда в части, касающейся отказа истице в иске имущества, заключающегося в гостиной мебели, и о передаче такового в Натурфонд Губотсобеса и в Губоно, является неправильным. Губсуд отказал истице в этой части иска на том основании, что означенная мебель родителями истицы была куплена в 1918 г., в период времени, как говорит Губсуд, когда сделки

с имуществом были воспрещены законом. Такой вывод Губсуда не имеет себе подкрепления в действовавших в то время узаконениях Советской власти, ибо специальных декретов о воспрещении продажи гр-ми друг другу предметов домашнего обихода не было, при том в настоящее время изъятие мебели не согласуется с Гражд. Кодексом.

А потому ГКК Верховсуда решение Ленинградского Губсуда в части, касающейся отказа истице в иске гостиной и передаче таковой в Натурфонд Губотсобеса и в Губоно, отменила, передав дело на новое рассмотрение. (Дело № 3571).

Хроника.

К новой редакции Кодекса Законов о Труде. Кодекс Законов о Труде в новой редакции рассматривается в настоящее время комиссией, образованной по постановлению Президиума ВЦСПС, в составе т.т. Владимирова, Шмидта, Лене, Догадова, Анцеловича, Богданова, Фигатнера и Калашникова. Решения комиссии, которая должна закончить работу в половине июля месяца, постановлено считать решениями Президиума ВЦСПС.

Разработка вопросов воздушного права. При обществе ОДВФ СССР организована секция по разработке вопросов воздушного права. В ближайшем будущем секция будет рассматривать проект о воздушном страховании в СССР, разработанный проф. Перетерским.

Ревизия судследкамер. Ленинградским Губсудом в порядке плановой ревизии закончено обследование судследкамер и консультаций членов Коллегии Защитников по Троцкому, Ленинградскому, Лужекому и Гдовскому уездам.

Контроль за лицами, высланными в порядке ст. 49 УК. Верховным Судом сделано распоряжение о сообщении в адм.отделы местных советов копий всех приговоров о высылках лиц, признанных Судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально-опасными.

Движение протестов векселей. Вексель—барометр, определяющий колебания в торгово-промышленной сфере.

Вот что этот барометр показывает у нас в Ленинграде.

За первые пять месяцев 1925 года представлено было для протеста в вексельную Нотконттору:

январь . . .	7.891	вексель.
февраль . . .	6.470	„
март	6.958	„
апрель . . .	5.788	„
май	5.727	„

Всего 32.834 векселя.

Количество представляемых к протесту векселей из месяца в месяц понижается. Кроме того, из всего этого количества попало в протест всего 10.523 векселя, а именно:

в январе . . .	2.303	векселя
„ феврале . .	2.251	„
„ марте . . .	2.395	„
„ апреле . . .	1.842	„
„ мае	1.732	„

Таким образом, за последние два месяца количество векселей, попавших в протест, резко уменьшилось. Это несомненно указывает на поднятие вексельной дисциплины. Однако всецело приписать это только одному поднятию дисциплины вряд-ли можно. Кое-что надо отнести и за счет переписки векселей.

Наряду с падением количества протестованных векселей за апрель и май следует отметить, что и сумма протеста уменьшается, хотя и не в такой степени.

Так, суммы протеста составляют:

за январь . .	1.113.909	рублей
„ февраль . .	1.887.742	„
„ март	1.778.750	„
„ апрель . . .	1.270.819	„
„ май	1.265.831	„

Интересно отметить, что поднятие вексельной дисциплины резко отразилось на падении протеста векселей частных лиц.

Так протестовано:

в январе . . .	1.409	векселей частн. лиц
„ феврале . .	1.188	„ „ „
„ марте	1.284	„ „ „
„ апреле . . .	976	„ „ „

Параллельно с этим *сумма протеста* по векселям частных лиц характерно понижается с каждым месяцем. Эта сумма составляла:

за январь . . .	430.329	руб.
„ февраль . .	398.376	„
„ март	328.566	„
„ апрель . . .	284.105	„

Здесь, повидимому, применена была жесткая дисциплина, давшая отбор кредитоспособных частных лиц, так как, поскольку пе-

реписка векселей применяется еще в отношении госпредприятий и кооперации, постольку она почти сошла на-нет в отношении частных лиц.

У Судебных Исполнителей. По новому положению Отделение Судебных Исполнителей все получаемые суммы ежедневно сдает в кассу Наркомфина или на специальный текущий счет в Коммунальном банке.

Для удобства населения и для ускорения производств по исполнительным листам отделениями судебных исполнителей установлены дежурства судисполнителей по каждому району. Судисполнители принимают от граждан исполнительные листы, заявления и т. п. документы, причем принятые ими исполнительные листы на следующий день распределяются между соответствующими (по районам, по ведомствам) судебными исполнителями. До введения настоящего порядка граждан должен был обращаться непосредственно к тому судебному исполнителю, в районе которого необходимо произвести исполнение. В ближайшем будущем будет введен такой порядок: гражданин, сдав исполнительный лист дежурному исполнителю, не должен ходить за справками, а получит от исполнителя по почте извещение, на какой день и час назначено исполнение по его делу.

Кроме того, для срочных поручений в распоряжении заведывающего отделением постоянно имеется три резервных судисполнителя.

Нагрузку отделений судисполнителей при настоящем ее составе надо признать несколько выше нормальной. Количество дел и исполнений непрерывно растет. Так, на 1 марта с. г. отделение имело 6.991 дело, при чем на одного судисполнителя (всего было 30) приходилось 233 дела. К 1 июня количество дел достигло 7.802, при чем на одного судебного исполнителя приходилось 243 дела, несмотря на то, что количество судисполнителей было несколько увеличено (до 32). Любопытно отметить, что исполнения преимущественно производятся в Центральном городском районе, для работы в котором направлено 9 судисполнителей.

В связи с тем, что из общего количества исполнений целый ряд дел распадается на исполнения по исковым требованиям отдельных, крупных ведомств, Губернским Судом выделено несколько судебных исполнителей для этих исполнений. Так, имеются специальные судебные исполнители, выполняющие дела, связанные с соцстрахом (на 1 июня было 485 дел), Хлебодуктом (на 1 июня было 287 дел) и Собесом (на 1 июня было 168 дел). С 1 июня выделен специальный судебный исполнитель для обслуживания исполнений по делам Государственного Банка. Недавно в Губсуд обратился Откомхоз с просьбой выделить по делам Откомхоза специаль-

ного судебного исполнителя. Вопрос этот находится в настоящее время на рассмотрении.

Новый Исправительно-Трудовой Дом. В ближайшем будущем предполагается переоборудовать 1-ю Сельско-Хозяйственную Колонию в Исправительно-Трудовой Дом, который будет рассчитан на 1000 штатных мест. Переоборудование это обойдется около 70.000 руб.

Отпуска из Мест Заключения на полевые работы. В последнее время Губернская Распределительная Комиссия производит отпуска л/с на полевые работы на основании постановления ВЦИК от 21 апреля с. г. Эти отпуска предоставляются заключенным в целях поддержания их крестьянских хозяйств; причем заключенные преимущественно отпускаются из среды рабочих и крестьян, не относящихся к категориям преступников-профессионалов. Отпуска даются на срок до 3-х месяцев в период полевых работ тем крестьянам заключенным, в отношении которых Губраспредкомиссия установит, что они совершили преступление по незнательности в первый раз, или вследствие тяжелых материальных условий, не внушают опасения в смысле побегов и что отпуск их не вызовет недовольства со стороны местного населения.

Время, проведенное в отпуску л/с, засчитывается в отбываемый срок наказания при условии, если 1) ими в течение отпуска не будет совершено других преступлений, 2) они своевременно возвратятся в место заключения из отпуска и 3) они действительно будут участвовать в выполнении работ, на которые им был предоставлен отпуск, причем выполнение последнего условия должно быть удостоверено местными сельсоветами.

Это же постановление ВЦИК распространяется и на содержащихся в М/З красноармейцев и краснофлотцев, сверстники которых уволены из рядов Красной Армии и Флота в бессрочный отпуск. Для получения отпуска на полевые работы заключенный крестьянин должен представить в Комиссию следующие документы, исходящие от местных органов власти: 1) удостоверение о том, что заключенный действительно принадлежит к числу трудового сельско-хозяйственного элемента данной местности; 2) удостоверение о том, что имеется действительная потребность в отпуске заключенного для его хозяйства; при этом должно быть удостоверено количество земли данного хозяйства и количество в таковом рабочих рук.

За истекшие полтора месяца Губраспредкомиссия отпустила на полевые работы 192 заключенных, представивших указанные удостоверения.

Усиление репрессий. Часть Губпрокуратуры по надзору за органами дознания вошла в Губ. Адм. Комиссию с раз'яснением об изменении практики по наложению взысканий на лиц, оскорбляющих низший персонал милиции при задержаниях. В ограждение достоин-

ства младших милиционеров ГАК предложено такие дела направлять в Народные Суды по обвинению по ст. 88 УК (карающей за оскорбления, наносимые публично представителям власти, при исполнении ими служебных обязанностей), не налагая взысканий в административном порядке.

Курсы для милиционеров. В первой половине июля с. г. начинают работу при резерве Губмилиции курсы для милиционеров и младшего состава губернской и уездной Милиции. Курсы—двухмесячные. Задача их: пополнить сведения слушателей по уголовному праву, технике дознания и проч.

В Обществе Научной Медицинской Экспертизы. 23 июня в „Доме Медработника“ состоялось первое общее собрание членов Общества Научной Медицинской Экспертизы, организовавшегося из медицинских и судебных работников.

Заведывающий отделом судебной экспертизы при Губадвотделе д-р Ижевский в своем докладе указал, что те богатые данные, которые за время существования Советского Суда могли быть почерпнуты из работы экспертов, призываемых в Суд, в известной обработке и обобщениях, будут основой трудов будущего научного общества. Практическая ценность этих трудов будет заключаться в еще большем укреплении согласованной работы экспертов и Советского Суда, который в противовес буржуазному суду широко пользуется для уяснения ряда специальных вопросов научным опытом и знаниями экспертов всех специальностей вообще, а медицинской в особенности. Одним из подтверждений такой согласованной работы экспертизы и Суда служит учреждение при Губсуде Криминологического Кабинета.

После доклада состоялись выборы в Правление Общества.

Случай „налоготворчества“. При просмотре газет в Губпрокуратуре, в газете „Волховской Труженик“ (№ 22 с. г.) была обнаружена следующая заметка: „Как работают наши сельсоветы. Откуда взять денег на починку мостов? — Шумский сельсовет (Волховского

уезда) решил эту задачу: он обложил налогом всех богатых покойников“. Далее в заметке приветствовалась подобная „местная инициатива“ и сообщалось, что „налог“, взимаемый при выдаче разрешения на похороны, установлен в размере от 1 до 5 руб., в зависимости от имущественного положения родственников умершего. Заметка заканчивалась словами: „Дельно, товарищи!“

Губпрокурором был немедленно запрошен о положении дела уездный помощник прокурора, который сообщил, что постановление Шумского сельсовета о налоге с покойников отменено Президиумом Уик'а.

Через неделю после появления заметки в „Волховском Труженике“, там-же, в № 24, было напечатано разъяснение о незаконности подобного рода сборов.

Доклады о революционной законности. За пять месяцев (январь—май) текущего года число выступлений-докладов работников прокурорского надзора на собраниях, съездах и совещаниях низовых работников достигло 257. Из этой цифры 30% приходится на доклады-беседы, проведенные в г. Ленинграде, и 70% — на выступления в уездах: на крестьянских сходах, на съездах предводителей, предсельсоветов, комвзаимов, волназирателей, избачей, селькоров и т. д.

Урегулирование производства дознаний по газетным заметкам. Губпрокурор разослал всем своим помощникам, для сведения и наблюдения за проведением в жизнь, циркуляр НКВД (№ 289 от 27/V) о производстве дознаний по письмам селькоров и рабкоров. Предложено впредь подтверждать селькоров и рабкоров допросам и требовать подтверждения указываемых в письмах и заметках фактов — *лишь в случаях крайней необходимости*, когда без личного вызова корреспондента правильное и успешное дознание не может быть произведено. Циркуляром предложено также прекратить наблюдаемые иногда случаи присылки материалов дознания по заметкам рабкоров и селькоров — в НКВД и направлять материалы в обычном для дознаний порядке.

Библиография.

Проф. А. Гойхбарг. „Очерки преобразования земельного и гражданского права в буржуазных государствах“. Издание НКЮ. 1925 г. Цена 30 к., стр. 45.

Брошюра эта является дальнейшим развитием тех взглядов, которые проф. Гойхбарг проводил уже в своем „Хозяйственном праве РСФСР“ *).

Речь идет об идее разделения права на частное и публичное и о тех возражениях,

которыми некоторые юристы встретили первую статью Гражд. Кодекса.

В маленькой брошюре на 45 страницах автор дал такое обилие богатейшего законодательного материала буржуазных стран, что его могло-бы хватить на целые томы. Вот уж поистине с величайшим мастерством проф. Гойхбарг „в малых словах великий разум заключил“.

Если тот факт, что деление права на частное и публичное утратило свое принципиальное значение, доказывалась раньше автором ссылками на буржуазных юристов, то теперь

*) См. рецензию Б. Шехтера в „Рабочем Суде“ № 10—1923 г.

автор кладет в основу своих выводов исключительно мнения самих законодателей.

Чтобы доказать свою мысль, проф. Гойхбарг подвергает широкому анализу лишь те изменения, которые произошли за последние годы в одной области права — в земельном праве, но зато во всем мире.

„Передо мною, — пишет автор, — лежат тексты законов всех стран, касающихся земельных и связанных с ними отношений за последние пять лет, 1919-1923 г.“.

Оказывается:

В Америке: в 1922 г. издан закон, регулирующий сделки по поставке главнейших сельско-хозяйственных продуктов. Не каждому гражданину такие сделки разрешаются (отменяется гражданская правоспособность в этом отношении).

Во Франции: в 1922 г. издан закон, обеспечивающий наилучшее использование хлебных злаков и муки, устанавливающий серьезные ограничения. Нарушение карается, а приговоры за счет осужденного расклеиваются судом по улицам или публикуются в газетах.

В Норвегии: плохо-обрабатываемые земли могут быть экспропрированы (закон 1918 г.).

В Швейцарии: закон 1920 г. — увеселительные сады, площадки для игр и спорта, частные и публичные парки, не использованные по назначению и не необходимые, должны быть обработаны и засажены картофелем и овощами. Собственники могут быть вынуждены эксплуатировать такие участки с производительными целями, иначе участки сдаются принудительно в аренду.

Аналогичные правила содержатся в законодательствах: датском, мексиканском, румынском, болгарском, литовском, латвийском, чехо-словацком, греческом и т. д.

В дальнейшем автор указывает, что даже в мелочах современные законодатели отказываются от принципиального деления права на частное и публичное. Отличительной особенностью частного права являлось всегда то, что хотя законодатель и признавал для себя возможное распоряжаться частным правом, но не иначе, как с согласия собственника. И если производилось принудительное отчуждение земли, напр., под железную дорогу, то все же совершалась купчая, как символ того, что отчуждение произошло по доброй воле собственника. Теперь же буржуазные законодатели отказались уже от таких актов. „Экспроприация возымеет силу автоматически со дня издания указа“ (румынский указ 1918 г.). Такие же явления наблюдаются в Эстонии, Латвии, Болгарии, Польше, Чехо-Словакии, Австрии и т. д.

Законодательный материал всех стран за последние годы убеждает в том, что буржуазные законодатели совершенно стерли границы между правом публичным и частным и что при издании законов имущественного характера законодатели руководствуются целесообразностью и достижением поставленных себе целей, а отнюдь не соображениями неотъемлемых прав индивидуума, стоящих якобы выше государства.

Таково содержание первой главы о „современном земельном законодательстве“, которое изложено лишь постольку, поскольку это нужно было автору для доказательства того, что идея деления права на публичное и частное не поддерживается уже даже ни одним буржуазным законодательством.

„Не нам, — заканчивает автор эту главу, — в Советском Союзе стремиться стать обоими ногами на эту ускользящую из-под ног почву“.

Вторая глава озаглавлена: „преобразование гражданского права в буржуазных государствах“, и стрелы ее направлены против „невежественных острот на счет того, что первая статья Гражданского Кодекса отменяет все остальные“.

Правда, автор считает бесполезным заниматься с приводимыми законодательными материалами и для тех юристов, которые пребывают в полном заблуждении, полагая, что „там, за границей, в Европе и Америке, слава богу, никаких ограничений нет и что там по прежнему господствует полная свобода собственности“...

Автор в сжатом виде дает результаты своего исследования всего мирового законодательства за последние 7 лет и констатирует тот факт, что „основы старого гражданского права распались необычайно; делить со своей собственностью, что угодно — во многих случаях нельзя; государство дает указания, как и в каких условиях свою собственность использовать“.

Это явление наблюдается в мировом масштабе. Во Франции, — указывает автор, — изданы законы против повышения цен; сходный закон имеется в Японии, Греции, Норвегии и пр. В Тунисе издан закон о борьбе с незаконной спекуляцией: на предметы обычного потребления прибыль не должна превышать 15%. Аналогичные законы изданы в Англии, Австрии, Италии, Испании. В последней в 1923 г. издан декрет, по которому производители, торговцы, промышленники и посредники при продаже оптом и в розницу не должны получать прибыль выше установленной.

В Германии, в 1923 г., издан закон о борьбе со спекуляцией (устанавливаются максимальные цены на предметы). То же в Румынии (1923 г.).

Чрезвычайно интересно, что по Канадскому закону (1923 г.), если собственник патента на изобретение не надлежаще использует его, то патент подлежит отнятию.

Правильно указывает автор: какой-бы шум подняли, если-бы такой закон был издан у нас, а буржуазная Канада не убоялась.

Отмечая затем, что буржуазными законодательствами разных стран анулируются частные сделки и права, если они не содействуют техническому или экономическому прогрессу, автор подчеркивает сильное сходство с нашей 1-ой статьей ГК.

Почти во всех странах существуют законы о защите квартирантов от чрезмерных аппетитов домовладельцев. Вообще распоряжение собственностью не является уже неограниченным, ибо сама собственность обязывает, и

ее использование должно служить общему благу; договоры утратили свою былую неприкосновенность и, когда нужно, аннулируются; частный интерес отступил на задний план перед интересами публичными.

Все эти законы возникли как под влиянием всеобщей необходимости, так и под влиянием стремления отбросить обстоятельства, грозящие гибелью буржуазному обществу и недовольством широких масс.

И эти законы сохраняют силу и поныне, поскольку они не затрагивают буржуазных организаций, диктующих свою волю государственной власти.

Буржуазное общество не пожертвует, конечно, своим собственным существованием. „Но основными принципами, свободой и неприкосновенностью собственности, свободой договора оно не дорожит“.

Автор советует и нашим „многочисленным преподавателям основ гражданского права перестать дорожить этими принципами“.

Брошюра написана ясным, выразительным языком и читается с захватывающим интересом.

Б. Шехтер.

В. И. Игнатъев. „Что такое Союз Советских Социалистических Республик?“. Беседы для рабочих

и крестьян. Госиздат. Ленинград, 1925 г. Стр. 56. Цена 18 коп.

Государственное издательство предприняло издание ряда небольших работ, посвященных общим вопросам Советского строительства и управления, а также правовым вопросам, специально интересующим широкие трудящиеся массы. Такие работы при условии простого и доступного массам изложения должны повести к пополнению существующего еще пробела в деле распространения элементарных правовых знаний среди рабочих и крестьян, необходимых с технической стороны для непосредственного участия в государственной деятельности Советских Республик.

Брошюра В. Игнатъева посвящена основному вопросу Советского государственного права и является популярно написанным комментарием к Союзной Конституции. Автор затронул главные пункты Конституции и разъясняет читателю историю образования Союза Советских Социалистических Республик, права входящих в его состав народностей, классовый характер и Конституцию государственной власти в Союзе, предметы ведения Союза и т. д.

Книжка читается легко, издана очень опрятно и безусловно своей цели достигнет.

А.

Налоги, пошлины и сборы.

К вопросу о применении новых правил обложения целевым квартирным налогом.

Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 3 апреля 1925 г. (см. „Рабочий Суд“ № 17-18) был установлен новый порядок обложения целевым квартирным налогом на нужды кооперативного строительства рабочих жилищ, причем обложение квартирным налогом согласовано с обложением по подоходному налогу.

По применению упомянутого постановления изданы НКФ Союза ССР правила за № 44 („Вестн. Фин.“, оф. отд. № 68), которыми подробно определяется порядок обложения целевым квартирным налогом применительно к принципам обложения подоходным налогом; в силу этих правил обязанности домоуправлений сводятся, главным образом, к сообщению фининспекции сведений о размере жилой площади, занимаемой плательщиками в подлежащее обложению полугодие.

На основании примечания к ст. 1 указанных правил „кустари и ремесленники, а также уличные торговцы, которые в отношении подоходного налога отнесены с 1 апреля 1925 г. к категории „Б“, не подлежат обложению целевым квартирным налогом, начиная с 1 октября 1924 г. Взысканные суммы возврату не подлежат“.

По силе ст. 16-18 „Правил № 44“ „взимание кварт. налога за первое (октябрь-март) полугодие 1924-25 б. года производится в по-

рядке постановления от 3 апр. 1925 г. на основании данных по обложению госуд. доход. налогом“. „В уплату окладов кварт. налога... должны быть зачтены взысканные с плательщиков на основании ранее действовавшего закона оклады кварт. налога за время с 1 окт. 1924 г.“ Излишне уплаченные суммы за покрытием этих окладов должны быть обращены в счет будущих платежей и „возврату плательщикам не подлежат“.

Образовавшиеся до введения новых правил недоимки налога вместе с начисленной пеней взысканию не подлежат и должны быть сложены со счетов.

Указанные правила существенным образом затрагивают интересы плательщиков.

Однако же, окончательное введение их в действие по гор. Ленинграду еще не последовало, впрямь до издания НКФ РСФСР подробной инструкции о порядке проведения и взимания квартирному налогу (ст. 21 Правил за № 44).

В каких случаях применяются льготы по пром. налогу для сельских кустарей и ремесленников.

По вопросу о применении на практике льгот по пром. налогу сельским кустарям и ремесленникам в порядке постановления ЦИК от 10 апреля 1925 г. последовал ряд разъясне-

ний Центра, уточняющих случаи, на которые распространяются эти льготы.

1) Для предоставления предусмотренных постановлением от 10 апреля с.г. льгот не имеет значения, занимается ли данное лицо сельским хозяйством и является ли занятие промыслом лишь побочным к сельскому хозяйству. Льготами пользуются все, вообще, кустари и ремесленники, проживающие в сельских местностях (раз'яснение Упрналога от 5—V—25 г. „Фин. Газ.“ № 123).

2) Равным образом для льгот по промналогу не имеет значения, занимается ли кустарь своим промыслом у себя на дому или пользуется специально оборудованным помещением и механическими двигателями. От промналога могут при известных условиях вовсе освободиться даже маслобойни, смолокурные заводы, мельницы, крупорушки и пр. (раз'яснения Упрналога от 21—IV—25 г. „Фин. Газ.“ № 106, 12—V—25 г., № 128 от 5—V—25 г. и № 123).

3) Для применения постановления от 10 апреля 1925 г. главное значение имеет пользование наемным трудом. Совершенно освобождаются от промналога все ремесленники и кустари, проживающие в сельских местностях и работающие без применения наемного труда единолично или с помощью членов семьи, принадлежащих к одному двору, а также с помощью одного или двух учеников-подростков, хотя бы у кустика имелось специальное оборудование или работы производились при помощи механических двигателей (раз'яснение Упрналога 21—IV—25 г. „Фин. Газ.“ № 106). Разрешается также пользование трудом одного наемного рабочего, если по характеру производства работа не может производиться единолично (как, например, в кузнечном деле).

При пользовании трудом одного наемного рабочего или трех учеников-подростков, выбирается патент 1 разр. на личные промысловые занятия.

При пользовании трудом двух или более того рабочих, выбирается патент на промышленные предприятия и удерживается уравнительный сбор.

Налоговая памятка.

Не позднее 1 июля—взносы домоуправлениями гор. Ленинграда в Ком. Банк собранных сумм целевого квартирного налога за июнь месяц.

И 1 июля—представление в волисполкомы сельсоветами заполненных ими поселенных списков по сельхозналогу (согласно утвержденному Ленинградским Губисполкомом плану).

1 июля—уплата второй половины местного налога со строений.

1 июля—срок уплаты основной земельной ренты за 1924/25 бюдж. год.

Вместо первоначально установленного срока 1 июля—последним сроком уплаты основ-

ного подоходного налога для всех граждан (кроме рабочих и служащих) за 2-ое полугодие 1924/25 г. назначается 15 июля.

3 июля—окончание месячного срока подачи жалоб по гор. Ленинграду на обложение уравнительным сбором за 2-ое полугодие 1924/25 бюдж. года.

В уездах Ленинградской губ. окончание срока подачи жалоб устанавливается Уфинотделами в зависимости от объявлений Уфинотделов о времени окончания исчисления уравнительного сбора.

Не позднее 10 июля—взносы в домоуправления целевого квартирного налога за июль месяц без начисления пени.

К 10 июля—все государственные и коммунальные учреждения и предприятия г. Ленинграда, правления кооперативов и артелей и их союзов, а равно акционерные общества и товарищества должны доставить в Губфинотдел (комн. 348) сведения о торговых сделках, заключенных ими в предыдущие 3 месяца с частными лицами и предприятиями по купле-продаже, по комиссии, посредничеству, агентуре и по оказанию разного рода коммерческих услуг.

Не позднее 10 июля—должно быть закончено установление волисполкомами Ленинградской губернии хозяйств, которые полностью или частично освобождаются от сельхозналога в порядке ст.ст. 30, 31, п.п. „А“ и „Б“ ст. 33 и ст. 34 Положения о сельхозналоге.

К 10 июля—волисполкомами должна быть закончена проверка поселенных налоговых списков и приступлено к исчислению окладов сельхозналога.

Сроки жалоб по сельхозналогу.

а) Жалобы на неправильный учет объектов обложения при заполнении сельсоветами поселенных списков с участием домохозяина, подаются в волостные Налоговые Комиссии ежемесячный срок после того, как этот учет стал известен плательщику.

б) Жалобы на неправильное исчисление окладов сельхозналога подаются в волостные Налоговые Комиссии в течение месяца со дня вручения окладного листа.

в) Жалобы плательщиков на постановления волостных Налоговых Комиссий подаются в уездные Налоговые Комиссии в течение 7 дней со дня объявления плательщику решения волостной Налоговой Комиссии.

Все жалобы по сельхозналогу освобождаются от гербового и канцелярского сборов.

Поправка. На стр. 844, „Рабочий Суд“ № 19-20, в строке 9 сверху, вместо слова: „обвиняемого“ надо читать: „обвиненного“.

Ответственный редактор

И. Дерзибашев.